

Адмирал

ДМИТРИЙ СВЕТЛОВ
Капитан-командор

«Лениздат»

2010

Светлов Д. Н.

Капитан-командор / Д. Н. Светлов — «Лениздат»,
2010 — (Адмирал)

Блестящий морской офицер в отставке неожиданно оказывается в России XVIII века. Жизнь, которую он наблюдает, далеко не во всем соответствует тем представлениям, которые он вынес из советских учебников. Сергей быстро понимает, что обладает огромным богатством – техническими знаниями XXI века и более чем двухсотлетним опытом человечества, которого здесь больше нет ни у кого. В результате ему удастся стать успешным промышленником и банкиром, героем-любовником и мудрым крепостником, тонким политиком и главным советчиком Екатерины Великой. Жизнь России преобразуется с появлением загадочного капитана. Но главная цель Сергея – пиратские походы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Светлов

Капитан-командор

Эта книга не является историческим исследованием и не содержит реальных фактов. Любое совпадение имен и названий является случайным. Все написанное в книге – всего лишь результат фантазии автора.

Глава 1

Выезд на дачу

Со вздохом отодвинув ноутбук, Сергей Николаевич посмотрел на гору коробок, которые внук его сестры вечером сложил на веранде. Сергей Николаевич только вчера приехал в Тамбов и сразу заехал к маме, точнее к сестре.

Сестра с мамой и мужем жили в двухкомнатной хрущевке. Муж сестры, восьмидесятилетний отставной подполковник-артиллерист, был еще бодр и за обедом вместе со всеми с удовольствием выпил вина. Мама тоже выпила полстопочки и затем, улыбаясь, наблюдала из кресла за детьми. «Детьми»... Сергею Николаевичу шестьдесят восемь лет, а сестра на семь лет старше...

Когда обед подошел к концу, сестра позвонила сыну, чтобы он отвез дядю на дачу, но сын был занят. После многочисленных звонков и пререканий приехал внук сестры Андрюша со своей женой.

Молодежь быстро переложила из джипа Сергея Николаевича в свою «калину» коробки и пакеты с гостинцами для многочисленной родни. Закончив разбираться с коробками, на двух машинах поехали на дачу. Джип вела Лелечка, жена Андрюши, и всю дорогу они мило болтали ни о чем, правда, к концу дороги Лелечка воскликнула:

– Ой, дядя Сережа, я совсем забыла сказать! На вашей даче сейчас живет Александра со своим женихом.

– Я ее знаю?

– Ну Александра, дочь Миши с Верочкой.

Заметив недоуменный взгляд двоюродного дедушки, она решила пояснить:

– Внучка тети Гали.

– ???

– Ну правнучка дедушки Влада.

Сергей Николаевич давно уже перестал даже пытаться разбирать сплетения родственных связей. Родственники – хорошо, живут у него на даче – что в этом плохого? Да и дачей это только называется, на самом деле это вполне приличный двухэтажный дом с мансардой, гаражом и садом, в паре сотен метров от реки.

Александра со своим женихом Родионом встретили машины у открытых ворот. Видимо, были предупреждены и ждали приезда. Александра, похоже, имела от своих родителей строгий инструктаж. Везде был порядок, на кухне стерильная чистота, что, в общем-то, Сергея Николаевича не удивило – родня знала о его любви к чистоте и порядку. Любой человек, пройдя должность старпома, всю оставшуюся жизнь будет замечать малейший недостаток в своем «департаменте». Родион с робким интересом разглядывал Сергея Николаевича. Парень, видимо, уже наслышан: моряк, капитан, рост под два метра, вес девяносто два килограмма. Волевое лицо и строгий, можно даже сказать суровый, взгляд – это печать профессии.

Расцеловавшись на прощание с Лелечкой и Андрюшей и попросив у Александры чашечку кофе, Сергей Николаевич устроился на веранде. Александра с Родионом уселись в креслах рядом.

– Дядя Сережа, как доехали? – спросил Родион. – Более тысячи километров за рулем – совсем нелегко в вашем возрасте...

– Доехал без проблем, но вся дорога – обгон за обгоном с выездом на встречную полосу.

Александра с Родионом понимающе закивали: о чем говорить, все знают, что дороги забиты машинами. Сергей Николаевич по молодости лихачил, давил педаль не меньше ста двадцати. По дороге в Тамбов всегда ночевал после московской окружной и с утра доезжал последние четыреста километров. С возрастом начал ездить спокойнее, но, как и раньше, ночевал после московской окружной дороги. Только теперь уже не в машине, а в гостинице. С утра оставались те же четыреста километров, нервная нагрузка заметно уменьшилась за счет изменения манеры езды, а вот время в пути практически не изменилось.

Что рассказать молодежи про Петербург? Дежурные слова о театрах, дворцах, фонтанах и Неве? Или о пыли улиц и грязи дворов, что замечают только сами жители города? Выйдешь погулять – кругом одни помойки. Парков в городе раз-два и обчелся, да и до них еще ехать надо: пятнадцать минут от дома до гаража, тридцать минут до ближайшего парка, еще пятнадцать – искать парковку. В парке гуляющего человека будет сопровождать лай собак, то ли радостный, то ли дурной.

– У вас в Петербурге в парках специальные площадки для собак?

– Что? Нет, площадок нет, а собаки все дурные, и бродячие, и домашние.

– Неужели хозяева их не воспитывают?

– Сегодня дрессированные собаки только в цирке, воспитанные собаки вымерли вместе с воспитанными горожанами.

Сергей Николаевич замолчал. Сколько можно говорить о тотальном неуважении к законам, о бескультуре, о беспределе на дорогах? Александра с Родионом по-своему расценили молчание.

– Сколько у вас детей? – на правах новичка спросил Родион.

– Четыре сына, девять внуков и внучек, семь правнуков и правнучек, все при делах, при деньгах, при своих квартирах, и ни у кого нет времени.

– Они в Тамбов приедут?

– Нет, дети-внуки не приедут, отдыхают только за границей...

Молодежь была несколько скованна. Они, видимо, сидели просто из вежливости или ожидали забавных рассказов да анекдотов. Вся родня знала, что Сергей Николаевич любит пошутить и просто переполнен смешными историями. Немного помолчали, затем Александра с Родионом начали наперебой рассказывать студенческие новости и планы своей совместной жизни. Сергей Николаевич внимательно слушал и задавал уточняющие вопросы. Он просто отдыхал, отдыхал от дороги и от суеты Петербурга.

Утром Сергей Николаевич выполз из постели и поплелся по лестнице вниз на кухню. В зале с дивана перед телевизором вспорхнула Александра. Она подала заранее приготовленную маленькую розетку с творогом и крошечную чашечку негорячего кофе. Это инструктаж сестры, только сестра знала его привычки.

Он один в своей четырехкомнатной сталинской квартире, вот и решил купить дачу на родине предков. Сергей Николаевич нуждался в общении. Ритм жизни большого города вынуждал людей все время бежать. Дети и внуки про него не забывали, но у них не хватало времени на общение с «дедом».

– Александра, лапочка, я тебя очень прошу, не делай больше этого.

– Чего не делать, дедушка Сережа?

– Александра, лапочка, я тебя очень прошу, не вставай ради меня так рано.

– Я встала совсем не рано.
– Смешать творог со сметаной я могу сам, и в процессе приготовления кофе есть свое удовольствие.

– Я что-то сделала не так?

– Нет, все хорошо, но вставать ради меня полседьмого не надо, лучше понежиться под боком у Родиона.

– Дедушка Сережа, мне скоро ехать в университет, а Родиону в институт.

– Конечно, скоро... Через час. Вам от дачи до маршрутки пятнадцать минут идти. Так что, договорились?

– Хорошо, я больше не буду. А цыплят утром кто будет кормить?

– Каких цыплят? – опешил Сергей Николаевич.

– Мама десять дней назад привезла три десятка цыплят.

– Где они?

– Сначала цыплята были в коробках на мансарде, а когда подросли, Родион сделал курятник между домом и забором.

– Они же разбегутся.

– Он все огородил сеткой, чтобы ни цыплята не разбежались, ни вороны с ястребами не растаскали.

– Цыплят покупали на птицеферме?

– Цыплята не инкубаторские, натуральные. Мама говорит, что натуральные мясо и яйца очень полезны.

Сергей Николаевич усмехнулся. Жители городов давно забыли вкус и запах натуральных продуктов. Он вспомнил удивленные лица жены и детей, когда они впервые попробовали натуральную деревенскую еду...

– Сегодня цыплят покормишь сама, все равно уже встала, а вечером покажешь, как и чем их кормить.

– И еще, – продолжила Александра. – Здесь у реки стоит крестьянский дом, так мама с хозяйками договорилась. Они каждое утро после дойки приносят литр молока.

– Только молоко? – уточнил Сергей Николаевич.

– Про творог, сметану и гусиные яйца надо предупреждать за день. Можно купить и картошку, а когда они будут забивать хряка, то скажут сами.

– Гусиных яиц я давно не ел, куриные привычнее.

– Ой, я забыла сказать! Мама и наседку с цыплятами привезла, куриные яйца в холодильнике.

– Во сколько придет молочница?

– Через час, она разносит молоко по всем дачам, на которых постоянно кто-то живет.

Этот крестьянский дом Сергей Николаевич заметил еще прошлым летом, когда приезжал смотреть дачу. Дом большой, ухоженный, с двумя гаражами. За высоким забором просматривался сад, а у реки топтались гуси.

Закончив утренний моцион, Сергей Николаевич пошел на прогулку. Он давно уже привык все делать по одному и тому же распорядку – идти по колее, как сам шутил. Гулялось легко и приятно – май, сады покрыты бело-розовой пеной цветов. На обратной дороге познакомился с молочницей, ей оказалась двенадцатилетняя Танюша. По дороге в школу она разносила молоко и оставляла пустой бидон в последнем доме. Вечером, выйдя из автобуса, она забирала бидон и относила домой. Танюша сказала, что люди в том доме живут хорошие, всегда бидон хорошо вымоют. Их никто об этом не просит, и за молоко с них берут, как со всех. И всегда дают ей конфетку или печенюшку, когда она приходит за бидоном. Еще она рассказала, что в поселке постоянно живут в семи домах. Остальные участки или заброшены, или хозяева

появляются от случая к случаю. Сергей Николаевич и сам знал общую ситуацию с дачами под Тамбовом. У стариков уже нет сил на дачу, а молодежь уехала в столицы.

Александра и Родион шумно собирались, пытаясь одновременно завтракать, целоваться и укладывать рюкзаки. На столе стоял приготовленный для него завтрак, именно такой, как надо. Похоже, он попал под программу реабилитации. Психотерапевты хреновы... Раньше он и сам иногда принимал участие в совете родни, когда надо было кому-то помочь или наставить на путь истинный. Родителей Александры, Мишу с Верочкой, он совершенно не помнил и, возможно, никогда не видел. Но Галя с мужем Геннадием жили в своем доме, и в хорошем, надо сказать, доме. Влад уже более двадцати лет живет один в трехкомнатной квартире. Эту квартиру он получил в конце семидесятых как летчик-герой. Во всяком случае Галя не раз жаловалась, как ей тяжело и за домом следить, и еженедельно в квартире отца убираться, и детям с внуками помогать...

После ухода молодежи Сергей Николаевич решил осмотреться. Сначала обошел участок, посмотрел на грядки, кусты и деревья. Тут что-то надо было делать, но что? Он совершенно не разбирался ни в садоводстве, ни в земледелии. Придется ехать в город за книгами да познакомиться с соседями и попросить совета. А возможно, у родни уже приготовлена наставница-советчица. В гараже был порядок, у двери стояла на «товсь» мочная машинка. В бане прибрано, все банные причиндалы аккуратно разложены по своим местам. У курятника, за сеткой, под надзором наседки что-то искали цыплята. Петушки пробовали голос и пытались выяснить, кто сильнее. С крыши дома за ними заинтересованно следила ворона.

В подвале дома порядок, на первом этаже все на своих местах. На втором этаже две спальни с примыкающими ванными комнатами. Между ними небольшой холл; как сказал бывший хозяин, здесь планировалась детская игровая комната. Здесь Сергей Николаевич оборудовал рабочий кабинет и поставил компьютер. В кабинете появился еще один компьютер, на полу стояли какие-то приборы, явно «кулибинской» разработки. В спальню молодежи он, конечно, нос не сунет.

На мансарде бардак, мебель небрежно сдвинута в угол. Посередине разбросано различное радиоэлектронное оборудование и нечто напоминающее спутниковую антенну. Сергей Николаевич вздохнул. Разбросано – это в его понимании, молодежь будет утверждать, что все расставлено так, как надо.

Спустился вниз на веранду и включил ноутбук, пора работать.

Составлять специализированные морские программы он начал давно. Увлечся этой темой еще во времена программируемых калькуляторов. Его привлекало изящество процесса и элегантность математических решений. Пятнадцать лет назад, во время стоянки в Санкт-Петербурге, он вызвал специалистов-компьютерщиков для наладки судового компьютера связи со спутником. Молодые штурманы опять хотели что-то улучшить и заключили компьютеру мозги. После завершения работ компьютерщики зашли к нему в каюту отчитаться и подписать бумаги. Поговорив о том о сем, ребята обратили внимание на специальную программу в его компьютере.

Они очень удивились, узнав о его собственной разработке. Ознакомившись с программой, предложили сделать еще одну, но с другими исходными данными. У них был клиент, которому требовалась аналогичная программа. Связанные с морем фирмы по составлению программ за работу не брались – слишком муторно и трудоемко. Обычные фирмы не знали морской специфики, и продукт не проходил сертификацию. Сергей Николаевич заказ взял, тем более что оплата была достойной. С этого и началось. Сначала он делал две-три программы в год, со временем пришел опыт, тщательная проработка всех составляющих принесла свои плоды. Программы стали нагляднее, с отличной графикой, работа пользователя упростилась. Логотип стал широко известен в узком кругу специалистов. Это позволило составлять дополнительные информационно-справочные DVD. В конечном итоге все это давало непло-

хой доход. Главное – правильно выбрать издателя и распространителей. Но не деньги были для него на первом месте. Главное – что несмотря на возраст он был при деле.

Со вздохом отодвинув ноутбук, Сергей Николаевич развернулся к горе коробок. Коробки вчера вечером внук сестры сложил на веранде. Глянул на часы – он проработал полтора часа, пора заняться другими делами, например разобрать коробки. Начать надо с самой большой. Он подтащил к стулу коробку из-под цветного телевизора «Радуга». На ней было написано: «Вес брутто 70 кг, вес нетто 50 кг». Похоже, коробка не открывалась много лет. Так, закрытой, переехала из Риги в Петербург, где долго стояла в гараже, вчера приехала в Тамбов. А зачем? Перед отъездом он тупо засунул в багажник все ненужные коробки. Хлам уже мешал ставить машину в гараж.

Открыл коробку, убрал полиэтилен и бумагу. Сверху лежал парадный ремень с кортиком. Золотом сверкнула массивная пряжка, кортик притягивал взгляд своей завораживающей красотой. Сергей Николаевич перенес ноутбук и расчистил место для вещей. Положив ремень с кортиком на стол, он достал парадный китель с погонами капитана первого ранга. На кителе был только значок ВВМУ им. М. В. Фрунзе. Награды и другие регалии были давно сняты. От обиды.

У него было два боевых ордена. Орден Красного Знамени он получил еще капитан-лейтенантом. Будучи командиром эсминца «Благородный», он получил орден за то, что ничего не сделал. Одна африканская страна высадила морской десант прямо в столице другой африканской страны. Когда он рассказывал, как происходили события этой «войны», все слушатели покатывались со смеху. Такого не сможет придумать ни один юморист, но это было на самом деле. Морской десант врага сдался после того, как эсминец подошел к городской набережной и стал стрелять из салютной пушки.

Счастливый президент прибежал на корабль и повесил на грудь Сергею Николаевичу свой орден. Имеется в виду буквально свой орден, который он снял со своей груди. Золото, платина, драгоценные камни. Куда там Ордену Победы! Естественно, Сергей Николаевич был награжден и в СССР. Кстати, убитых и раненых в том бою не было, хотя обе стороны интенсивно куда-то стреляли.

Орден Красной Звезды Сергей Николаевич получил за Мексиканский залив. Его эсминец действовал там так энергично и нахально, что американцы послали наперехват четыре эсминца девятьсот шестьдесят третьего проекта. Они пытались буквально затолкать советский корабль в свои территориальные воды. Но Сергей Николаевич был уверен в своем корабле и команде. Его эсминец был быстрее и маневреннее, а команда действовала безукоризненно. Чего не скажешь об американцах, допускавших ошибку за ошибкой. В конце концов у американцев сдали нервы, и они начали стрелять боевыми снарядами. Разумеется, не прямо в советский корабль. Но разрывы снарядов ложились достаточно близко. Это разозлило Сергея Николаевича, и он приказал дать залп из двух РБУ по курсу американских кораблей. Ну а дальше... они сами виноваты. Командиры эсминцев видели, куда упали глубинные бомбы. То, что эти бомбы потом взорвутся, – это же очевидно!

...Аккуратно спарывая погоны, он вспоминал, как молоденьким лейтенантом был направлен на Северный флот и получил назначение на эсминец, в звании капитана второго ранга был переведен в штаб тральщиков. А дальше... эх! А дальше он уже точно знал день, когда получит адмиральские звезды. Но вместо адмиральских погон его отправили на пенсию. Хорошо хоть на пенсию, могли ведь разжаловать и посадить.

Штормом выбросило на берег мины, оленеводы эти мины увидели и сообщили военным. Раз мины морские – послали тральщик. Тральщик определил: мины английские, 1919 года, поставлены во время английской интервенции. Три мины связаны между собой проволокой в «минную банку». Тральщик с минами ничего сделать не мог, ведь мины на берегу. Поэтому

команда сняла с мин взрыватели, тральщик вернулся на базу. Но раз мины морские – армейцы погрузили мины на грузовик и бросили их на причале базы ВМФ.

Во время очередной кампании по сбору металлолома эти мины погрузили в вагон. Мичман сказал: «Здесь все – металлолом». Матросам что грузить, что выгружать, дата дембеля написана в гальюне. В общем, в Череповце на складе металлолома рабочий, разрезая очередную хреновину, увидел потекшую взрывчатку. Работяга все понял правильно, не впервой, обматерил инженера и пошел за водкой. Заводской особист тут же накатал бумагу о предотвращении диверсии на заводе. Заводское руководство в очередной раз сообщило начальству, что мировой империализм всеми силами пытается сорвать заводу социалистическое соревнование и перевыполнение повышенных плановых обязательств.

Но Сергею Николаевичу стало несмешно. Из Москвы приехала следственная группа военной прокуратуры. Он с другими офицерами штаба и командиром тральщика оказался под следствием и домашним арестом. Здесь ему помогла жена, его вторая половина, опора и поддержка. Жена съездила в Ленинград и привезла два чемодана книг по металлургии. Она купила все – начиная от учебников для ПТУ и кончая научными рефератами. Вдвоем они прорабатывали книгу за книгой. Изучали процесс плавки чугуна, стали и спецсплавов. Все подготовительные, вспомогательные и сопутствующие работы. Наконец Сергей Николаевич был почти готов. Дополнительно прочитал книги из военной библиотеки базы по взрывчатым веществам. Закончив проработку информации, написал рапорт в форме докладной записки и передал его командиру базы...

В рапорте он коротко и внятно доказал, что шумиха о попытке диверсии на заводе – полная ерунда. По действующим инструкциям весь прибывающий на завод металлолом проверяется на наличие взрывчатых и детонирующих веществ. Эту работу как раз выполнял тот полупьяный работяга. Все сталеплавильные заводы регулярно находят в металлоломе неразорвавшиеся боеприпасы. Вместе с металлоломом приходит много взрывчатых веществ, в основном времен Второй мировой войны. Во время плавки взрывчатое вещество самопроизвольно не сможет детонировать, оно просто сгорит.

Рапорт стал бальзамом на сердце начальства, и ему дали ход. Следствие прекратили, нагруженные палтусом и зубаткой москвичи уехали домой. Но сам инцидент с минами не забыли, уж слишком сильный поднялся шум. Приказом министра обороны часть офицеров была уволена в запас. В том приказе была и фамилия Сергея Николаевича. Хорошо хоть, начальство базы отблагодарило за умный рапорт. Он получил ордер на четырехкомнатную квартиру в Риге и именные золотые часы на золотом браслете.

Споров погоны, он накинул китель на плечи. Под кителем в коробке лежала аккуратно сложенная белая гипюровая рубашка. Его первая покупка за границей. Рубашку он купил в Лондоне, первый раз вживую разговаривая по-английски. Рядом с рубашкой лежали белые джинсы с «золотым» узором сзади и по бокам. Он форсил в этих джинсах всего несколько раз – короткий отпуск моряка не всегда летом, а мода на белые обтягивающие джинсы прошла быстро. Рядом в обувной коробке лежали сапоги. Остроносые сапоги с высоким скошенным каблуком и узором по голенищу были куплены в Финляндии. Сапоги оказались очень удобными и носкими, но опять-таки мода быстро прошла.

В сапоги вместе со старыми газетами были засунуты кошельки. Четыре обычных кошелька для мелочи были битком набиты трех- и пятикопеечными монетками. Сыновья брали эти кошельки, когда всей семьей ездили в отпуск в Ленинград, к родителям жены. Сергей Николаевич улыбнулся, вспомнив, как дети доставали свои кошельки. Они гордо бросали пятак в турникет метро или три копейки в автомат газировки. Дома они следили за пополнением кошельков и хвастались друг перед другом, у кого больше.

Под обувной коробкой лежал выкрашенный в «золотую» краску железный сундучок.

... Он женился, когда был старшим лейтенантом. Этот аккуратный ящичек из-под какого-то прибора взял в навигационной камере. Изнутри ящичек был обшит зеленым сукном и был удобен для хранения домашних документов. Впоследствии жена аккуратно выкрасила сундучок «золотой» краской. Супруги долгие годы хранили в нем важные семейные бумаги и документы. Когда уже обжились в Риге, жена купила в сувенирном магазине другой сундучок, модный и красивый.

Тяжело крякнув, Сергей Николаевич поставил сундучок на стол и открыл его. Сундучок был заполнен монетами разных стран. Хотя – видимо, позже – сверху насыпали юбилейные и олимпийские рубли. Да, правильно: он продал свою квартиру в Риге вместе с мебелью. Когда отбирал то, что повезет в Петербург, нашел в комнате младших сыновей деревянный ящичек с юбилейными и олимпийскими рублями. Не заморачиваясь, пересыпал рубли в сундучок и благополучно забыл. Да и кому сегодня все это надо?

Достал из сундучка несколько монет – датские ерики с дыркой посередине, граненые голландские гульдены, шведские и норвежские кроны, немецкие и финские марки, драхмы, динары, фунты, шиллинги, франки. Сегодня эти белые и медные монеты уже ничего не стоили. Изначально он привозил своим детям кенийские, аргентинские, сирийские, греческие и прочие монетки как экзотические сувениры. Затем это стало традицией и привычкой, а дети стали хранить свои сокровища в «золотом» сундучке. Позже Сергей Николаевич просто высыпал туда оставшуюся иностранную мелочь.

... Дети были рады переезду в Ригу. И жена была довольна, хотя, видя горечь мужа, пыталась это скрыть. Он был обижен, очень обижен и за несправедливое увольнение, и за растаявшие адмиральские погоны. Его не порадовал подарок жены на день рождения: она заказала у ювелира-частника шикарный перстень с изумрудом. Перстень сверху сеточкой покрывала монограмма «СНА» – Сергей Николаевич Алексеев. Не радовали бумаги на льготное получение автомобиля «Волга», мебели, холодильника, постельного белья и еще много-много чего. Офицеры-северяне получали хорошие деньги, и у Сергея Николаевича на книжке было более шестидесяти тысяч рублей. Продать свою старую «Волгу» на рижском авторынке за тридцать тысяч он сможет легко. Затем купит новую машину за десять тысяч. Его семья вполне обеспечена, можно спокойно жить дальше. Но ему сорок лет, и ему не дали адмиральских погон.

Когда закончилось обустройство на новом месте жительства, Сергей Николаевич пошел в управление Латвийского морского пароходства. Хотел устроиться на работу и снова пойти в море. Но и тут ждало разочарование: его не взяли. Сказали, что возьмут только на должность третьего помощника капитана. Как капитан первого ранга, он рассчитывал как минимум на должность старпома. Предложение начать с низшей ступени воспринял как оскорбительную насмешку.

Неизвестно, до чего могло его довести жизненное разочарование. Но снова помогла жена. Познакомившись с другими женщинами, как с женами офицеров-отставников, так и с женами моряков, она разобралась в новой жизненной ситуации. Однажды она буквально за руку привела мужа в военкомат. В одном из кабинетов после недолгого разговора Сергей Николаевич получил направление в Латвийское морское пароходство. Его рекомендовали на должность первого помощника капитана. И хотя первый помощник капитана на торговом судне – то же самое, что замполит на военном корабле, Сергей Николаевич согласился. Во-первых, он снова в море, во-вторых, жена ему объяснила единственно возможную дорогу карьерного роста.

Капитаном судна, куда был направлен Сергей Николаевич, был сорокалетний латыш. Ян Гунарович окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище имени адмирала Макарова. Они хорошо сработались, оба были педантами, да еще и ровесники, впоследствии дружили семьями. В Латвийском морском пароходстве про них в шутку говорили: «Они оба всегда застегнуты на все пуговицы». Ян Гунарович поддержал карьерное стремление Сергея

Николаевича, помогал с освоением новой работы, которая действительно оказалась совсем иной. Сначала Сергей Николаевич стал подменять второго помощника, когда тот уходил в отпуск. Затем уверенно замещал старшего помощника. Наконец, партком и служба мореплавания официально утвердили Сергея Николаевича в должности старшего помощника.

Теперь он уже смеялся над своим наивным желанием сразу стать старпомом. Это и другая жизнь, и другая работа. В 1985 году Сергей Николаевич был утвержден в звании капитана дальнего плавания. Все было хорошо, живи и радуйся, но... Через два года погибла жена, нелепо и непонятно. В вечерних сумерках ехала на машине с работы домой. Обычным маршрутом по городу, с обычной скоростью, и вдруг поперек – огромный асфальтовый каток. Баротравма легких от удара грудью о руль, и через десять дней она умерла в больнице.

...Он был в море, дети в Ленинграде. Старшие уже работали, младшие учились. Жену хоронили дети и друзья. К большому удивлению Сергея Николаевича, его дети не захотели возвращаться в Ригу. Они, прописавшись у бабушки с дедушкой, решили остаться в Ленинграде. Когда он потребовал от детей объяснений, то получил ответ: «А что нам делать в этой провинции? В Ленинграде у нас есть перспектива, а в Риге для нас нет никакого будущего»... Как показала жизнь – они были совершенно правы.

Развал СССР и бардак революций прошел для него стороной. Он был в море, заключая контракты то с англичанами, то с голландцами, то с американцами. К этому времени уже бегло говорил на многих языках. А основные европейские языки освоил весьма прилично. На вопросы друзей и знакомых о его способностях к языкам всегда отвечал одно и то же: «Язык не математика, его не надо учить, на нем надо говорить. Хочешь иметь хорошую зарплату – говори на языке хозяина судна».

Как-то в один из его приездов сыновья спросили о зарплате. На его ответ они переглянулись и заметили, что контракт выгоднее заключать в Петербурге. Если заключить контракт здесь, то зарплата будет как минимум в два раза больше. Сергей Николаевич не поверил, по меркам Риги он получал огромные деньги. У него был такой высокий заработок, что было неловко говорить о нем другим людям. Не поверил, но решил проверить. Пошел в посредническую фирму, поговорил, все подтвердилось.

В Риге его больше ничего не держало, кроме могилы жены. Сыновья помогли найти в Петербурге хорошее жилье в хорошем месте. В ответ на его слова о желании купить большую четырехкомнатную квартиру в сталинском доме просто пожали плечами. Хочешь такую большую квартиру – найдем по твоему желанию. Сами они были уже вполне самостоятельными людьми и ставили на ноги своих детей. Когда Сергей Николаевич вернулся с моря, квартира была отремонтирована и готова к вселению.

И вот прозвенел прощальный звонок. Последние годы он работал в крупной японской компании. Когда ему исполнилось шестьдесят пять лет, президент компании господин Камада поздравил его с выходом на пенсию и вручил довольно толстый конверт. Поздравительная открытка была в другом конверте.

Сначала он просто отдыхал и неспешно выполнял заказы на компьютерные программы. Но со временем все острее стал ощущать недостаток общения. Как капитан он привык находиться в центре внимания и принимать решения за себя и других. Сейчас же он был предоставлен самому себе, регулярные звонки детей и внуков поднимали настроение лишь на несколько часов.

«Нечего сидеть и вспоминать, жить надо сегодняшним днем, а не вчерашним», – подогнал себя Сергей Николаевич. Сбросив с плеч китель, он поднялся в свою комнату. Порывшись в привезенных вещах, достал вышитую бисером и искусственным жемчугом косметичку. Сюда, в эту старую косметичку жены, он последнее время складывал иностранные монетки.

Он раздаривал эти монетки малышам родственникам и знакомым. Иногда, расплатившись за чашку кофе, с серьезным видом вручал официантке какую-нибудь экзотическую монетку...

Снова спустился на веранду и сложил в сундучок кошельки детей и старую косметичку. Затем вышел на улицу и посмотрел на небо. Приближаются облака; возможно, будет дождь. Взял в гараже пылесос и стал чистить салон. Закончив, подсоединил шланг моечной машинки к крану в гараже, залил шампунь для мойки автомобилей и начал тщательно намывать машину. Провозился больше часа и весь промок. В завершение вытер машину специальными салфетками, убрал все на место. Затем поднялся на веранду, разделся и развесил мокрую одежду.

Немного постояв, хмыкнул и надел гипюровую рубашку, белые джинсы, сапоги, китель и парадный ремень с кортиком. Еще немного постоял, прислушиваясь к своим ощущениям, затем вошел в дом. У двери было два больших зеркала. «Уходя человек должен себя хорошо осмотреть со всех сторон» – это был один из его девизов. Увиденное в зеркале развеселило. Добавить белый шарф с фуражкой – и будет «товарищ Бендер», весело подумал он. Кстати, шарф должен быть в той же коробке. Вернулся на веранду и, выкладывая вещи из коробки на стол, нашел форменный белый шелковый шарф. От шелкового шарфа пахло духами жены. Накинув его на шею, Сергей Николаевич сел за руль и поставил машину в гараж. Ярко сверкнула молния, тут же ударил гром. «Похоже, ударило у водонапорной башни, – подумал Сергей Николаевич. – Надо перенести коробки в дом, во время грозы там будет намного комфортнее». Он взял верхнюю коробку, прихватил со стола сундучок и пошел в комнату. Когда проходил между зеркалами, все залило бело-голубым сиянием, уши заложило грохотом.

Глава 2

Шаг в неизвестную жизнь

Сергей Николаевич инстинктивно зажмурился и присел. Но нет, тихо, только сильно пахнет озоном. Надо проверить, все ли в порядке, и начать надо с чердака и мансарды. В голове шумело, глаза ничего не видели, он снова закрыл глаза и сосчитал до ста. Открыл глаза и опешил. Он стоял в чистом поле, в буквальном смысле. Нет не только его дома – вообще нет никаких построек. Развернулся. Здесь земля шла под небольшой уклон и впереди сквозь редкие ивы и кустарник просматривалась река. Справа вдаль синей полосой угадывался лес, слева менее чем в километре – роща. «Осталось только прочесть на столбе объявление: «Мужчина 68 лет ушел и не вернулся домой, – нервно хихикнул он и решил: – Надо посмотреть на свои следы, откуда я пришел сюда?» Но никаких следов не было; правда, земля была твердая, не пахотная. Но невысокая майская трава вокруг него была девственной. «Я не охотник-следопыт, – утешил он себя. – Важно – не откуда пришел, а куда идти». Что-то тянуло его к роще, и через несколько минут он понял что. Это была не роща, а сад, за деревьями просматривались постройки. «Вот и ладушки, – успокоился Сергей Николаевич. – Сейчас определюсь и поеду домой».

Забора не было ни вокруг сада, ни вокруг дома. Дверь в сени была открыта, но вторая, в дом, закрыта. Сергей Николаевич направился к сараям и крикнул:

– Эй, хозяин!

Из ворот дальнего сарая вышел мужчина лет сорока, увидев Сергея Петровича, подбежал ближе и, склонив голову, низко поклонился:

– Здравствуй, барин.

Юморист, блин... Хотя сам виноват – оделся как клоун.

– Потерялся я, мне в Тамбов надо.

– Тамбов-то близко, всего двадцать верст, – и куда-то вправо махнул рукой. – Нюрка, мать позови, – крикнул мужчина себе за спину. – Проходи в дом, барин, в ногах правды нет.

Сергей Николаевич поставил коробку и сундучок на лавку в сенях и вошел в дом. Хозяин вошел следом, оставив входную дверь открытой. В комнате было просто, скромно, но уютно, изба-пятистенка. Сергей Николаевич обратил внимание на иконы в красном углу. Иконы выглядели непривычно, он подошел к иконам, перекрестился и стал рассматривать. Все образа были на досках и написаны маслом, современных картонок под окладом из фольги не было. Еще раз перекрестился и, сев на лавку, сказал:

– Хорошие у тебя иконы, хозяин, правильные. Зовут-то как? Я Сергей Николаевич Алексеев.

– Трофим, – ответил хозяин. – А жена – Алевтина.

– Подскажи, Трофим, что мне делать? Я оказался безлошадным, а до Тамбова двадцать верст, сам сказал. И родне сообщить надо, чтоб не волновались.

Говоря «безлошадный» Сергей Николаевич подразумевал отсутствие машины, он давно подхватил это выражение от своего отца.

– А сколько у тебя было лошадей, барин?

– Более двухсот, и все породистые, – пошутил Сергей Николаевич, подразумевая мощность двигателя.

– Не повезло тебе, барин. Хорошо хоть, жив-здоров остался.

– Жив – это точно, а вот здоров – не уверен. В Тамбове пойду к врачу.

– Да цел ты, барин, и крови не видно.

– С головой что-то, провал памяти, не помню, как сюда пришел и сколько шел. Какое число сегодня?

– Первый день мая.

– Первый день мая? А ты когда последний раз в церкви был? Первое мая! Да я вчера – тринадцатого мая – из Петербурга приехал! Да за год скитаний я уже двадцать раз сдох бы!

– Не гневайся, барин, сегодня первый день мая, а в церкви с женой и детьми мы были в воскресенье, третьего дня. Видимо, и впрямь сильно голову ушиб. Полежи, может, и отпустит.

– «Полежи, отпустит». А в Тамбов ты вместо меня поедешь?

Тем не менее лег на лавку и задумался. Нет, ерунда все это, ерунда. Первое и главное – он выбрит, а брился он сегодня утром.

– Трофим, как мне до Тамбова доехать?

– Я коннозаводчик, барин, можешь купить лошадей у меня. Мои лошади хорошие, из Москвы купцы ко мне приезжают.

Вот бизнесмен! А на окнах не стекло, а какие-то обрезки. То, что на Тамбовщине есть конезаводы, Сергей Николаевич знал. Даже был в детстве в коневодческом совхозе и дважды ездил верхом, кажется, после седьмого класса.

– Может, и Лузков с Незоровым у тебя своих скакунов покупают?

– Нет, этих господ я не знаю. Но вот купчиха Батурина у меня каждый год покупает. Всегда по десять лошадок берет.

– Если госпожа Батурина у тебя покупает, то возьми в сундучке деньги, а мне дай двух самых лучших, объезженных, подкованных, под седлом со сбруей, да припасов мне и лошадам до Тамбова. Щит, меч, копьё и латы не надо, завтра с утра поеду.

Вечером родня начнет волноваться и завтра ему будет выговор за то, что не позвонил. Но с утра он выйдет на дорогу и проголосует. В автобус без денег садиться не стоит, но мир не без добрых людей, кто-нибудь да подбросит. Тем временем Тимофей принес из сеней сундучок и принялся с задумчивым видом звякать монетами.

– Вот, барин, мне этого хватит, – и показал юбилейный рубль с профилем Ленина.

Сергей Николаевич равнодушно пожал плечами.

– Барин, пошли лошадок выбирать.

– Трофим, я сказал – лучших скакунов. Вот и приведи лучших.

В дом вошла статная женщина и поклонилась.

– Моя жена Алевтина, – сказал Трофим. – Кушать будете?

– Через час, кашу с молоком.

Трофим и Алевтина вышли из дома, о чем-то поговорили у порога и разошлись по своим делам. Сергей Николаевич закрыл глаза. Он никак не мог понять, что случилось, события не поддавались оценке.

Проснулся от запаха пшенной каши и хлеба. Алевтина тихо накрывала на стол.

– Спасибо, хозяйюшка.

Сергей Николаевич залил кашу молоком и взял ложку. Было вкусно, очень. Съев кашу, не удержался, налил молока в кружку и выпил, заедая ароматным хлебом. Встал из-за стола и слегка поклонился:

– Большое тебе спасибо, хозяйюшка, очень вкусно готовишь, поклонился бы ниже, да живот мешает, – пошутил он.

– И вам спасибо за доброе слово, барин, – ответила Алевтина и стала убирать со стола.

Сергей Николаевич вышел из дома прогуляться. Сначала осмотрел огород, затем прошел через сад, спустился к реке. В реке он заметил ловушки. Попадут на рыбнадзор – мало не покажется. Хотя у них в рыбнадзоре могут быть свои, он и не такое видел прямо под окнами этой организации. Услышав за спиной топот копыт, обернулся. К реке на рысях спускались два всадника. В одном он узнал Трофима, другим был пацан лет четырнадцати. Они лихо осадили скакунов рядом с Сергеем Николаевичем.

– Красавцы, настоящие красавцы, – не сдержался Сергей Николаевич.

В лошадях он ничего не понимал, но эти два скакуна были по-настоящему красивы.

– Это мои? – спросил он Трофима.

Увидев подтверждающий кивок головы, добавил:

– Спасибо, Трофим, спасибо, уважил.

Он решил пристроить конюшню между баней и гаражом. Лошади этого стоили. Он не думал о деньгах и будущих конных прогулках. Просто кони ему очень понравились, с первого взгляда запали в душу.

– Вот этого зовут Буян, а этого – Буран, – сказал Трофим.

Когда начало вечереть, его позвали ужинать. Снова поставили пшеничную кашу с молоком. После того как насытившийся Сергей Николаевич вышел из дома, за стол село все семейство. Побродив вокруг дома, он присел на завалинку, начало темнеть. Из дома вышел Трофим и сел напротив на землю. Затем вышли девушка и пацан, что был на второй лошади.

– Сколько тебе лет, красавица?

– Шестнадцать, – ответила девушка.

– Жених, наверное, уже есть? – пошутил Сергей Николаевич.

– Иосиф, свадьба будет осенью, он уже дом строит. Как дом закончит, так свадьбу и сыграем.

– Совет вам да любовь, – сказал Сергей Николаевич.

– Ну а ты, ковбой, чем занимаешься? – обратился он к мальчишке.

– Я не ковбой, отцу помогаю, лошадей пасу, лошадь не корова, за лошадью и уход, и надзор нужен.

– Тогда да, не ковбой, ковбои только коров пасут да лошадей губят. В каком классе учишься, как зовут?

– Фрол я, конечно, у отца учусь, про классы ничего не знаю, но отец нас с братом учит. Нам породу держать надо, тебе же, барин, наши лошадки понравились, ты и деньги хорошие дал.

– Не понял, ты в школу ходишь?

– Так я уже не малец, мне тринадцать лет, письму, счету и закону Божьему меня батюшка давно научил.

– Давно, две зимы как, – вставила девушка.

– Барин, ты давеча сказал, что из Петербурга приехал, – вступил в разговор Трофим. – Расскажи про столицу. Говорят, красивый город.

Сергей Николаевич начал рассказывать про Петербург. Завораживающая красота разводных мостов, Нева в ожерелье великолепных дворцов. Великолепие фонтанов Петергофа, роскошь Зимнего дворца. Стал описывать Царское Село, посетовал на то, что дворцовый комплекс до конца не восстановлен после войны. Бывший парадный въезд до сих пор в руинах, ямах и канавах.

– Никогда не слышал, чтоб германцы заходили на наши земли, да еще порушили столько, – удивился Трофим.

– А блокада Ленинграда? Ты что, забыл?!

Но тут вступила в разговор Алевтина, вышедшая послушать разговор вместе с Нюрой:

– Барин, а ты царицу видел? Говорят, красавица! А какие она платья носит?

Сергей Николаевич стал описывать платья, что видел на картинах и в музеях. Для него фасон времен Екатерины II, что фасон времен Марии Стюарт. Поэтому он описывал детали, всякие там рюшечки и украшения. Вспомнилось платье-мундир Екатерины II – она была шеф-полковником Семеновского полка – детально описал это платье. В это время Трофим с Фролом заговорили о войне. Пора татарам по шапке дать да Крым воевать, за Татарским валом лучше

следить, вот, барина обидели. Трофим сходил в дом и, дождавшись паузы в рассказе, протянул саблю:

- Возьми, барин, может, пригодится.
- Спасибо, – автоматически ответил Сергей Николаевич, – что это?
- Сабля татарская, – ответил Трофим.

Сергей Николаевич принялся рассматривать саблю. Обычная сабля, такие в музеях кучей свалены под картинами батальных сцен. Семейство Трофима потянулось в дом, пора спать. Пошел и Сергей Николаевич. У печи горела лучина, точно такую лучину он видел в музее Кижи. «Барин», «царица», «три года закон Божий»?! Он взял за плечо Фрола:

- А ты можешь ответить, какой сейчас год?
- Конечно. Одна тысяча семьсот шестьдесят пятый, – ответил Фрол.
- ???

Сергей Николаевич пошел к лавке. Пуховая перина, пуховая подушка, пуховое одеяло. Хотя на взгляд одеяло и перина друг от друга не отличались. «1765 год», – подумал он, засыпая.

Утром его разбудил петух, на столе стояло молоко, хлеб и лежала сабля. «Мне что саблей махать, что шваброй размахивать – результат будет один», – подумал Сергей Николаевич. Сабля! Со времен Ивана Грозного оружие было только у дворян и солдат! Крестьяне, горожане и купечество не имело оружия. Подобное нарушение каралось каторгой или смертью. Купеческие караваны в Сибири, где разбойничали дикие племена, охранялись воинскими или казачьими отрядами.

Когда заканчивал завтрак, в дом заглянул Трофим:

- Барин, а что с коробом делать?

В руках он держал пустую коробку. Сергей Николаевич вышел из дома, где у крыльца стояли под седлом обе лошади. У одной по бокам висели кожаные сумки и мешочки.

- Так ты говоришь, сегодня второе мая тысяча семьсот шестьдесят пятого года?
- Да, барин, – улыбнулся Трофим.

Сергей Николаевич достал кортик и рассек упаковочную ленту на днище коробки. Затем подцепил и выдернул скрепки на торце.

- Сложи и в багаж.

Трофим удивленно рассматривал то, что секунду назад было коробкой. Сергей Николаевич вернулся в дом, встал перед иконами на колени и начал молиться. Когда он поднялся, все семейство Трофима сидело на лавках. Присел и Сергей Николаевич, помолчал с минуту, затем встал и поклонился – сначала Трофиму, затем Алевтине:

- Спасибо за хлеб, соль да приют.
- И тебе, барин, скатертью дорога.

Вышли на крыльцо, Трофим подал к ноге стремя, и Сергей Николаевич сел в седло прямо с крыльца. Подошел Фрол и прикрепил шпоры. «Морская кавалерия со шпорами», – подумал Сергей Николаевич и тронул коня.

Как ездить верхом, он знал только теоретически, из слышанных в детстве рассказов. Если лошадь идет шагом, надо плотно сидеть в седле, не елозить, попадая в ритм шага животного верхней частью своего тела. Иначе сотрешь свой зад в кровь. Если лошадь идет трусцой или скачет, то свой вес надо перенести на ноги. Необходимо прижаться коленями к бокам лошади, иначе зад разобьет о седло, и тоже в кровь. Прямая посадка кавалериста говорит о его сильных ногах, а не о том, что у него на заднице мозоль, как на пятке.

Сергей Николаевич пустил коня шагом, решив до Тамбова максимально освоиться с верховой ездой. В дороге надо обязательно делать перерывы и идти рядом с лошадьми. Иначе можно не заметить проблем своего физического состояния.

Дорога, а точнее тропинка, только угадывалась. Но Трофим ему подробно объяснил все ориентиры, видимо, сам ездил не один раз.

...Сетовать на то, что в России нет и не было дорог, может только незнайка. Дорог не было потому, что они не были нужны. Все города и поселения стоят на реках, летом перевозки и торговля связаны с реками. Это в XXI веке многие из них стали вонючими канавами. Сергей Николаевич помнил, как в пятидесятых годах по Цне ходили баржи и пассажирские суда. Еще Петр I сделал здесь Волго-Донской канал, соединив шлюзом Цну и Ворону. Зимой в России на санях можно ехать куда угодно. Что под снегом – дорога или болото, – неважно. Главное – хорошо одеться и не сбиться с пути. Если нужда заставляла везти грузы в распутицу, то использовали волокуши. В России не существовало разбитых дорог с глубокими, заполненными грязью и водой ямами. Копыта лошадей в принципе не могут повредить травяной покров.

Покачиваясь в седле, он вспомнил древнеримскую дорогу. Его судно стояло в итальянском порту Бриндизи. Древний город будоражил воображение, нагулявшись и сделав множество фотографий, он сел в уличном кафе. Смакуя хороший и вкусный кофе, разглядывал офисных клерков, которые собрались в кафе на обеденный перерыв.

– Вы нашу главную достопримечательность видели? – неожиданно спросили с соседнего столика.

– Какую? Ваш город полон древних достопримечательностей.

– Дорога номер один, она соединяет Рим и Бриндизи. По ней шли в Рим основные товары, вот она, – говорящий показал рукой.

Сергей Николаевич повернулся и ничего не увидел. Итальянец именно такой реакции и ожидал, весело засмеялся и сказал:

– Видите в двадцати метрах маленькую арку и памятную табличку рядом? Это начало дороги, хотя римляне считают, наоборот, концом. Арка – это городские ворота с остатками стены.

Арка городских ворот размером не превышала проем двустворчатых дверей. За ней лежали мраморные плиты обычного тротуара шириной для четырех пешеходов. Узкий тротуар прямой линией уходил в холмы. Все очень просто, никакого величия или давления на психику гигантскими размерами.

– Удивлены? – с довольным видом спросил итальянец.

– По этой дороге вереницы рабов несли товары из Греции, Египта и других земель.

– А как же ездили повозки и кареты?

– Не существовало повозок и карет, одна лошадь стоила дороже пяти сотен рабов.

– Но лошади уже были...

– Лошади были, всадники ехали справа от дороги, Рим является основателем правил дорожного движения.

...Сергей Николаевич начал осваивать кавалерийскую науку. Засекая по часам режим движения, двадцать пять минут шагом, двадцать пять минут на рысях, десять минут рядом быстрым шагом. Думать о создавшейся ситуации не хотелось. Он был между двух зеркал, когда, возможно, в дом ударила молния. Зазеркалье, ведьмы и чеширский кот выйдут и все расскажут. Нет фактов и не о чем думать, хотя он постоянно ощущал какую-то неправильность. Через пять часов тренировки стал ехать увереннее. Иногда, встав в седле, пускал своих рысаков в галоп, в ушах свистел ветер.

После полудня, выбрав место, остановился на обед. Хлеб, квас, пара куриных да пара гусиных яиц, сырокопченая колбаса. Упряжь своих лошадок трогать не стал. Вроде что-то надо было ослабить, а потом подтянуть, но он побоялся: не умеешь – не трогай. Не решился привязывать или связывать лошадям ноги. Но его кони от него и не отходили, обнюхивали его и выпрашивали хлеб. После обеда лихо поднялся в село, во-первых, наловчился, а во-вторых, чувствовал физическую легкость и эмоциональный подъем. Решив ускорить путешествие,

сразу пустил коней рысью. Через несколько минут тропинка вывела его на дорогу, он увидел Тамбов. Дорога выглядела непривычно, просто полоса более низкой, примятой травы среди поля. Впереди деревянные стены и башни города. От стены в поле расползлись домики с садами и огородами.

«Так монголы ничему и не научили», – подумал Сергей Николаевич. Подходи и поджигай город, жители сами прибегут, держа в руках ценные вещи. Но надо продумать дальнейшие шаги. Если это 1765 год и в России царица, то могут быть Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета или Екатерина II. Это был женский период правления в России, но кто из этих дам и когда правил, он не помнил. Было уже жесткое сословное разделение общества, ему надо как-то представиться и начать новую жизнь. Можно представиться дворянином или купцом. Лучше дворянином, больше возможностей. Денег у него нет, никаких бумаг нет, никто и нигде не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть.

Правда, уже при Иване Грозном или даже раньше существовала государственная регистрация. Делались записи о рождении, а может быть, о крещении. Записи велись в церкви, может быть, какими-то дьяками в каких-то приказах. Записей о нем, конечно, нигде нет. Придется заняться хлестаковщиной. Но о своей жизни говорить правду по максимуму, в именах родителей не врать – легко запутаться. Сундучок с монетами в Тамбове не поможет, здесь нужен город большой, например Москва. Советские полтинники и рубли были мельхиоровыми, в юбилейных и олимпийских рублях содержание серебра выше. Все «белые» европейские и азиатские монеты тоже с серебром. Монеты ЮАР времен апартеида – из серебра. Это возможный потенциал, больше за душой ничего.

Сергей Николаевич поднял глаза – оказывается, перед ним застава. У дороги стояла полосатая будка и открытый шлагбаум. На него смотрели два солдата. Уловив его взгляд, они сделали шаг к дороге. Справа и слева поле, где паслись коровы, козы, кони, с криками бегали дети. Солдаты и не пошевелились бы, если бы он ехал в ста метрах от дороги. Умом Россию не понять, Россию надо знать.

- Где губернатор? – не останавливаясь, спросил Сергей Николаевич.
- Так, это, у себя, вашблагородь, – ответил, по-видимому, старший.
- У себя – это где? – уже оборачиваясь, снова спросил Сергей Николаевич.
- Вашблагородь, езжайте прямо, а там слева увидите, – снова ответил старший.

И это пограничный город! Отсюда до татарского вала не более пяти километров.

Внутри крепости стояли добротные дома, в основном одноэтажные, украшенные резными наличниками и коньками. Все говорило о достатке и аккуратности жителей. Даже о некотором хвастовстве друг перед другом. Дом губернатора выделялся «запахом власти», на крыльце сидели два лакея. Кто губернатор, как фамилии дворян, живущих в городе или в губернии? – а шут его знает! Как и все жители современного ему Тамбова, он помнил имена Державин и Чичерин. А когда они жили? Чем занимались?

Спрыгнул с коня, немного покачался с пятки на носок, разминая ноги. Затем взял за шиворот ближайшего лакея, подтянул его к себе и накинул на шею повод.

– Доложи губернатору: Сергей Николаевич Алексеев просит аудиенцию, – сказал второму лакею и начал подниматься на крыльцо.

- Я сам дверь открывать буду? – обратился к застывшему лакею.

Лакей подпрыгнул, открыл дверь и попытался проскочить впереди Сергея Николаевича. Но был пойман. Сергей Николаевич вошел внутрь и повернулся к лакею:

- А теперь бегом!

Топая, лакей бросился куда-то вправо, Сергей Николаевич, позвякивая шпорами, пошел следом, остановился и услышал за дверью:

- Там Алексеев просят аудиенцию!
- Так веди! Зачем за дверью держать?

Дверь открылась, и Сергей Николаевич, выпустив лакея, вошел в комнату:

– Сергей Николаевич Алексеев, – поклонился он, – возвращаюсь из Японии домой, да в пути потерял все.

Лица присутствующих стали постными. «Участь просителей всегда и везде одинакова», – подумал Сергей Николаевич. В комнате сидели в креслах пятеро мужчин, определить, кто из них губернатор, было невозможно. Одеты присутствующие были в какое-то подобие длинно-полых пиджаков без воротников и лацканов, но с манжетами. Ниже виднелись белые обтягивающие полотняные штаны. Рубашки были без воротников, на завязках у шеи. Пиджаки и рубашки были с шитьем, но вся одежда выглядела мятой. У всех на пальцах были перстни. На этом фоне одежда Сергея Николаевича выглядела намного лучше и богаче, но явно другого фасона и стиля.

– Вы сказали, из Японии? А как вы ехали? – спросил сухощавый невысокий мужчина лет сорока.

Сергей Николаевич начал рассказывать, не углубляясь в подробности. Выехал из Нагасаки, затем Китай, Таиланд, Индия, Цейлон, Йемен, Саудовская Аравия, Иордания. Но тут один из присутствующих не согласился:

– Вы говорите Йемен, Саудовская Аравия, Иордания, я про такие страны не слышал, их нет.

– Позвольте, как это нет, если я там был! – загорячился Сергей Николаевич. – Прикажете слуге принести сундучок из моего багажа, я вам докажу!

Один из присутствующих позвонил в колокольчик и отдал приказ вошедшему слуге.

– А много ли вы путешествовали? – спросил он, обращаясь в никуда.

– Почти всю свою жизнь, – ответил Сергей Николаевич, разглядывая стены.

– В Африке были?

– В Африке был.

– И в Америке были?

– И в Америке был, и в Северной, и в Центральной, и в Южной.

– А почему бы вам просто не побывать в Европе?

– Был я и в Европе, от Полярного круга до Испании, эти брюки куплены в Испании, – Сергей Николаевич крутнулся, показывая присутствующим свои джинсы.

– Пояс с кинжалом подарил испанский король?

– Это кортик а не кинжал! Личное оружие морского офицера!

– Так ты морской офицер?!

– Бывший, служил в Англии, Голландии, Америке и в Японии, вышел в отставку и возвращаюсь домой.

В комнату вошел слуга и поставил сундучок на стол. Сергей Николаевич открыл сундучок, выставил рядом глухо звякнувшие четыре кошелька и косметичку. Затем начал перебирать монеты. Почувствовав какое-то напряжение, не поднимая головы, глянул на сидящих. Присутствующие обменивались понимающими взглядами. «Нет, господа, – подумал Сергей Николаевич, – в этих кошельках нет ни золота, ни бриллиантов». Наконец нашел нужное и положил на стол.

– Вот, господа, – это динары Иордании, здесь написано арабской вязью, а вот здесь латиницей Jordan, а это деньги Йемена, это Саудовской Аравии.

Сергей Николаевич продолжил доставать монеты:

– Это из Африки – Кения, Гвинея, это из Америки – Аргентина, Венесуэла.

Расписывая природные пейзажи разных стран, постепенно уводил разговор в сторону. Он вспомнил: эпоха колонизации Африки и Азии еще не наступила. Сегодня, в XVIII веке,

Иордании, Саудовской Аравии и Йемена действительно нет. Есть Турция и входящая в состав Османской империи Аравия. Он где-то читал или видел в кино, хотя верить фильмам Голливуда – себе дороже, там все перевернуто и перевернуто.

Присутствующие заинтересованно рассматривали монеты, делились впечатлениями. Обсуждали непонятные рисунки на аверсе или реверсе монеты.

– Сергей Николаевич, а ты где остановился? – поднял голову от монет слегка полноватый мужчина лет сорока.

– Еще нигде, как въехал в город так сразу к губернатору – представиться.

– Молодец. Да, представиться, я губернатор, Воронцов Иван Николаевич, а это мои друзья.

Гостями губернатора оказались князь Кирилл Петрович Нарышкин, граф Семен Тимофеевич Шереметев, помещный дворянин Петр Савельевич Шептунов и князь Сергей Васильевич Бабарыкин.

Сергей Николаевич поклонился общим поклоном.

– Оставайся гостем у меня, вечером соберемся по-семейному. Ты нам расскажешь, как жилось на море, да про страны разные.

– Спасибо за гостеприимство, Иван Николаевич, – Сергей Николаевич снова поклонился.

Воронцов ссыпал монеты обратно и, указав вошедшему слуге на сундучок, приказал:

– Проводи гостя в правую комнату, у меня жить будет.

Сергей Николаевич еще раз поклонился и последовал за слугой на второй этаж. Достаточно просторная комната, не очень широкая, но высокая кровать, шкаф, сундук, небольшой стол, два стула и кресло, туалетный столик с зеркалом и ночной горшок у стены. Подошел к окну. На улице пусто, мужик катил перед собой пустую тележку. «Кажется, в той стороне рынок», – подумал Сергей Николаевич. Первый шаг сделан, теперь надо закрепиться. Какое-то время он будет всех развлекать своими историями и воспоминаниями. Но через месяц это надоест. «Таити, Таити, а нас и здесь неплохо кормят!» – вспомнил он слова из мультфильма. За месяц надо определиться и сделать следующий шаг.

Сергей Николаевич пошел искать конюшню. Его красавцев мыли и чистили, рядом, что-то обсуждая, стояли губернатор и его гости.

– А не внуком ли будешь Алексею Сергею Петровичу? – завидев Сергея Николаевича, спросил губернатор.

– Я не знаю, родители умерли в Англии, когда мне было двенадцать лет. Они приехали в Англию из Петербурга. Отец – Алексеев Николай Сергеевич, матушка – Евдокия Владимировна, в девичестве Грушевская. Про Тамбов они говорили, помню, но что здесь за родня, не знаю, может, и найду родную кровь.

– Надо будет Алексеевым весточку послать, а я полицмейстеру накажу поискать.

– Я к Алексеевым сам съезжу, поговорю, они родовую линию должны знать, в любом случае помогут.

«Написать письмо в стиле XVIII века для меня проблема», – подумал Сергей Николаевич.

– И то верно, род Алексеевых большой, найдешь своих, по родовому перстню и найдешь.

– Иван Николаевич, мне бы одеться, что имею – все на мне.

– Это не беда, я распорядюсь, – слышал?

Губернатор повернулся к стоящему в стороне слуге, тот молча поклонился и в свою очередь позвал еще кого-то.

– А что случилось? – вступил в разговор Бабарыкин.

– Сам не понял, все как в тумане да плохом сне. Остался с двумя лошадьми да татарскую саблю получил в подарок.

– Хорош подарок, – хохотнул Шереметев. – Молодец, отбился. Я так с четвертой баталии понимать стал, а так тоже все было как в тумане да во сне. А у тебя ни царапины, сам цел и кони целы, молодец!

– Ты бы отдохнул с дороги, – сказал Воронцов, – а то вечером дамы тебя замучают распросами, да и нам интересно послушать будет!

Сергей Николаевич вернулся в комнату. Сундучок стоял на столе, рядом лежала сабля, сумки стояли у стены. Открыл сундучок и высыпал туда монеты из кошельков и косметички. Затем открыл сумки: надо проверить, что он прихватил с собой в XVIII век. Хотя что из вещей XXI века может быть полезным в XVIII веке? А ничего! Снял китель и повесил на спинку стула, сверху бросил шарф и ремень с кортиком. Подумав, отнес сапоги к двери, ковра не было, но пол не холодный. Сел на пол и стал разбирать сумки.

Сверху лежали часы с кукушкой. Когда-то они с женой купили эти часы в Риге и повесили в большой комнате. Но бой этих часов быстро всех достал. Если бы просто ку-ку! Нет, сначала раздавался скрежет, затем ку-ку в сопровождении бум-блям в тональности кастрюли. Часы быстро оказались на антресолях, а потом и в гараже. Под часами лежала алюминиевая кофеварка для газовой плиты – ну, это то, что надо. Он поставил кофеварку на стол. Следом была большая железная коробочка с пуговицами, нитками, ножницами, наборами иголок, крючков и прочее. Обычное женское хозяйство, которое после смерти жены тоже оказалось в гараже. Он выудил из коробочки походный набор – цилиндрок, закрытый наперстком. Там лежала катушка черных и белых ниток с несколькими иголками.

Снова такая же коробочка, мотки резинки для трусов, тесьма, пуговицы и т. д. А вот – вещь! Нужная вещь и стоит денег! Военно-морской двадцатикратный бинокль с расчетной сеткой. Он купил его в 1994 году в Риге на рынке за двадцать пять долларов. Великолепная оптика, и легко определить расстояние до цели.

Еще одна коробочка – запасные лампочки для его «Волги». Тяжелый сверток – набор хромованадиевых гаечных ключей. Маленькая коробочка – в ней театральный бинокль жены. В другой – будильник из комнаты детей. Еще будильник. Тяжелая коробочка, в ней часы в красном полупрозрачном корпусе. Эти часы ходят хорошо и точно, только вышли из моды. Ареометр для аккумулятора, логарифмическая линейка, офицерская линейка, карандаши – десятка три разных цветов. Несколько записных книжек детей, десяток старых шариковых ручек. Почти десяток брелков для ключей, две рулетки. Несколько обычных школьных линеек, с другой стороны написаны различные формулы. Две тетрадки ученика 2-го А класса. «Сказки народов мира», школьные резинки, два подшипника, боевой патрон от автомата Калашникова. Все переложил в сундук.

Теперь вторая сумка. Сверху – детская швейная машинка. Сергей Николаевич улыбнулся, это подарок младшему сыну на день рождения в пятом классе от его одноклассницы. Подарок долго стоял в комнате на видном месте, потом тихо переехал в гараж. Модель двигателя крейсера «Варяг». Когда-то второй сын почти год сопел над этой моделью. Четыре фотоаппарата «Смена», рядом в пакетах для фотобумаги пачки старых, давно забытых фотографий. Полиэтиленовый пакет с бигуди и бюстгальтером жены. Несколько складных перочинных ножииков, несколько алюминиевых цилиндриков с негативной фотопленкой. Сверла, лерки, плашки, штангенциркуль, десяток гаечных ключей, маникюрный набор, отвертки, три резца для токарного станка. Снова коробочка, в ней набор теней для макияжа. Коробочка – три пары позолоченных запонок, изящные – с горным хрусталем, попроще – с агатом и массивные – с фальшивым зеленым камнем. Когда-то было модно под китель носить рубашки с запонками. На стол. Опасная бритва – нет, две! Ого, это важно!

Когда-то по молодости ему захотелось бриться опасной бритвой, как брился его отец. В один из приездов в отпуск он привез отцу в подарок бритву «Харьков-3». (Впоследствии выпуск прекратили – бритва оказалось копией Philips.) Взамен выпросил у отца его опасную

бритву. Брился примерно год, потом забросил. Вторую бритву он взял у тещи после смерти тестя, взял просто так, как память. В нынешней ситуации опасная бритва ой как нужна! Как сейчас бреются, он не знал, может, опасные бритвы уже есть. Положил бритвы рядом с кофеваркой и походным набором иголок с нитками. Остальное – в сундук, сверху положил сумки и закрыл.

Надо побриться, подошел к зеркалу и оторопел. Нет, в зеркале был он, но он в двадцатилетнем возрасте! Вот это да! Сделал несколько идиотских кривляний, зачем-то подергал себя за щеки, открыл рот – еще сюрприз. Вместо металлокерамики цвета унитаза и стоимостью в автомобиль во рту были его родные, слегка желтоватые зубы. Открылась дверь, и в комнату вошла служанка. Опустив голову, но откровенно разглядывая его при этом, положила на кровать халат, ночную рубашку и чепчик, у кровати поставила шлепанцы. «Вот так! Я сижу на горшке посреди комнаты – и без стука входит служанка!» – подумал он и спросил:

– Красавица, а где большое зеркало, в мой рост?

– Идем, барин, покажу.

Они спустились на первый этаж и прошли в зал. На стене меж окон было два больших зеркала в рост. На Сергея Николаевича смотрел парень лет двадцати, точнее – он сам, когда был в этом возрасте. Через тонкую гипсовую рубашку просматривалась массивная золотая цепь с православным крестиком. На левой руке золотой браслет с часами. На безымянном пальце массивный золотой перстень с изумрудом. Искусная монограмма сеточкой покрывала камень, на правой руке золотое кольцо. Такому парню построить новую жизнь легче. И не надо рассказывать байки о пятидесяти годах скитания по морям-океанам. Хотя, что ни говори, пятьдесят лет морю он отдал...

– Красавица, принеси мне воды помыться-побриться.

– Хорошо, барин. Меня Леной зовут, – девушка продолжала на него смотреть.

Сергей Николаевич вернулся в комнату, снова подошел к зеркалу. Сколько же теперь ему лет? Снял джинсы и осмотрел ноги. Шрамик на ноге от падения на мотоцикле есть, значит, и девятнадцать лет ему есть. Осмотрел руки: шрамика на правой руке нет. Он разодрал руку на тренажере во время сдачи зачета по борьбе за живучесть. Двадцати двух лет ему нет. «Усредняем, считаю свой возраст двадцать лет, день рождения не изменен», – решил он.

Изменение возраста должно резко изменить его поведение. Он уже не старый морской волк, чья задница давно обросла ракушками. Двадцатилетний юноша никак не мог побывать во всех уголках этого мира. Тем более в XVIII веке, когда лучшие парусные корабли имели скорость в четыре раза меньше обычных торговых судов XXI века. Теперь он уже не Сергей Николаевич, а просто Сергей.

В дверь постучали.

– Входите.

В комнату вошли четверо мужчин, поклонились:

– Мы по приказу губернатора, обшить тебя, барин. Я Тимофей, а вот Ануфрий, Никифор и Дормидонт.

– Ну так с Богом, вперед, – и вышел на середину комнаты.

Его начали измерять со всех сторон, голову от уха до уха через лоб, через затылок и через темечко. Ступни и в длину и в ширину, и от большого пальца до голени, до косточки, от пятки до колена. Руки, ноги, и другие привычные портновские замеры. Сергей переносил все стоически, будут правильные замеры – легче портному. И конечный результат на нем будет смотреться лучше.

Порой идешь по улице, а у женщины или девушки ткань «тянет», и зад вместо привлекательного кажется вислым. Или ткань идет морщинами с одной стороны, придавая милой фигуре клоунскую комичность. В магазинах говорят: «Не покупайте на рынке, там самопал из

подвала». Так и честные хозяева бутиков берут товар на реализацию в том же подвале. Проще самому прийти в подвал и заказать одежду по фигуре. Будет и лучше, и дешевле.

Сапожник, закончив замеры, сидел у стены. Он щупал, мял, нюхал и гладил сапоги, удивленно покачивая головой.

– На клею и железных скобах, – сказал Сергей.

– Да, мудро сработаны, – ответил сапожник, – но не пойму, из чего подошва и каблук, сапоги ношены, а тут износа почти не видно.

– Это из особой кости в далеких краях.

– Слышал уже, ты и в Африке бывал, и в Америке.

Закончили и портные, и тоже тщательно рассматривали и мяли китель и джинсы. Осторожно, даже с опаской, держали в руках гипюровую рубашку. На их лицах читалось откровенное изумление. Они никогда не видели подобной ткани, а качество пошива в их понимании было запредельным.

Осталось согласовать самый важный вопрос, как расплатиться за заказ. Откладывать на потом, когда будет доставлена готовая одежда и обувь, неразумно. Нет никакой гарантии, что к этому времени у него будут деньги, а вот ослабиться можно навсегда.

– Что скажете, господа, – обратился Сергей.

Сказать «мужики», для них оскорбление. Мужики – это батраки, беднота. Крестьянин или простолюдин – «человек». Общеизвестное выражение – «Человек – это звучит гордо!» – изначально подразумевало крестьян и простолюдинов.

– Чтобы между нами не было спора, сразу скажу: русских денег у меня нет. Есть только заморские монеты. Если вы согласны на такую плату – беритесь за заказ. Если нет – извините.

– А что тебе надо, барин?

– Да все мне надо, все мое на мне, нет ни летнего, ни зимнего, ни нижнего.

– Показывай свои заморские сокровища, барин.

– Смотрите. – Сергей открыл и пододвинул сундучок.

Гости дружно склонили головы над сундучком и принялись деловито звякать монетами, переговариваясь и что-то обсуждая.

– Вот, барин, смотри, – они показали выбранную плату.

– Что за деньги мы взяли? – спросил Ануфрий.

– Это английские деньги по шесть пенсов, это арабская монета в десять динар, это китайская из Гонконга, эта сиамская из Сингапура, эта шведская.

Мужчины с новым интересом стали рассматривать выбранные деньги.

– Возьми, Тимофей. – Сергей протянул походный набор с иголками.

Тимофей непонимающе взял цилиндрок, повертел в руках.

– А ты покрути наперсток, – подсказал Сергей.

Тимофей неловко стал крутить, потом понял, открыл, на ладонь высыпались иголки. Тимофей аж побледнел.

– Барин, у меня таких денег нет!

– А ты как плату за ткани и работу посчитай.

Тимофей пошевелил губами, посмотрел на своих товарищей, на Сергея, кивнул своим мыслям, подошел к сундучку и взял еще монетку.

– Это не все, – продолжил Сергей. – Посмотри мои пуговицы.

Он достал из сундука две железные коробки и подал Тимофею. Четыре головы снова склонились вместе. Раздались удивленные и даже восхищенные возгласы. В комнату вошли две служанки с ковшиками, тазиком и ведром воды. Девушки без стеснения рассматривали почти голого Сергея и удивленно косились на копошащихся и гомонящих мужчин.

– Барин, ты помыться просил.

Сергей приступил к процессу мытья-бритья. Служанки ловко и сноровисто помогли, в результате и помылся, и побрился, и волосы вымыл.

Когда девушки ушли, Сергей снова повернулся к Тимофею. На столе аккуратными рядами лежали выбранные пуговицы. Обычные женские пуговицы, некоторые сверкали золотом или серебром. В сторонке лежали мотки тесьмы, даже шнурки для ботинок приглянулись.

– Много же у тебя, барин, всяких заморских диковин! – воскликнул Тимофей.

– Позволь, барин, у тебя купить вот это. – Дормидонт показал на ладони несколько металлических крючков.

– А мне вот это. – Никифор показал моток корсажной ленты.

– Вот что, господа. Коль скоро я оказался без своего багажа, то и эти коробки мне пользы не принесут. Возьмите их на реализацию.

– Как это – на реализацию?

– Что продадите, за то и деньги принесете, оставшееся вернете.

– Много разных полезных штучек у тебя, долго торговать будем.

Но Никифор дернул говорившего за рукав и что-то быстро шепнул. Сергей улыбнулся и сказал:

– Правильно Никифор говорит: мир большой, необязательно все продавать в Тамбове.

– Сами коробки можно взять на реализацию? – осмелел Никифор.

Сергей снова улыбнулся. Две красивые железные коробки: одна из-под конфет, другая из-под печенья. В таких коробках и в XXI веке хозяйки любят держать всякие полезные мелочи.

– Дорогие, тонкой заморской работы, но можете взять на реализацию.

Мастера индивидуального пошива согласно закивали головами, но глаза светились детской радостью.

Простившись с гостями, Сергей лег и незаметно уснул.

– Вставай, барин, – над ним низко склонилась служанка, – все гости уже собрались.

Вечерело, он быстро оделся и спустился в зал, где за столом сидели не менее двадцати человек. Начался ужин, но голодным оказался один Сергей. Остальные вяло ковырялись в своих тарелках, с удивленным интересом наблюдая, как он ест. «Да, господа! Пятьдесят лет в кают-компании – это уже привычка», – мысленно хмыкнул он.

Присутствующие перебрасывались обычными фразами, все ждали главного блюда – рассказов Сергея. Насытившись, он откинулся на стуле и обратился к Воронцову:

– А можно ли попросить чашечку кофе, без сахара?

– Кофе? – Воронцов в свою очередь посмотрел на жену.

– ??? – жена повернулась к прислуге.

Прислуга испуганной стайкой бросилась на кухню.

– Иван Николаевич, это не обязательно, я привык к кофе после еды и спросил по привычке, не подумавши, еще раз извините.

В столовую вошла сухонькая старушка и сказала, обращаясь к жене губернатора:

– Кофе у нас есть. – Сказано было таким тоном, что можно было продолжить: «у нас все есть».

– Простите, Иван Николаевич, я люблю кофе, сваренный особым способом. Можно я пройду на кухню и покажу кухарке, что надо делать?

– Пожалуйста. – Воронцов растерянно пожал плечами.

Сергей попросил разрешения пройти на кухню по простой причине. Он понял, что кофе здесь не пьют, и опасался получить вместо кофе бурду. Вместе с ним из-за стола встали почти все женщины. «Мы тоже пойдем на кухню, мы тоже хотим научиться», – на все голоса загалдели дамы.

Кофе оказался зеленым, и Сергей начал командовать:

– Кофе пожарить на сливочном масле, принести и приготовить кофеварку.

Но тут все женщины возжелали кофе. «Голубушки, не пили вы кофе, не понравится он вам, давиться и плевать будет», – мысленно пожалел он женщин.

– А давайте я вам приготовлю капучино, кофе по-итальянски, – предложил он.

Естественно, все захотели кофе по-итальянски. Капучино он сделать не сможет, а сладкий кофе со взбитыми сливками – это легко. Закипела работа, взбивали сливки, в ступке толкли колотый сахар в сахарную пудру, жарили кофе. Женщины обступали его со всех сторон, откровенно прижимаясь и привлекая к себе внимание. Наконец сварили полведра кофе и взбили ведро сливок. Кофеварка на плите выплюнула дозу. Сергей взял широкую чайную чашку, на треть налил жиденький сладкий кофе и положил сверху огромную шапку взбитых сливок. Сверху щедро посыпал сахарной пудрой.

– Делайте вот так, – сказал он прислуге.

Себе, к удивлению дам, налил из кофеварки в самую маленькую чашечку, и то половину.

Закончив процесс обучения, Сергей в окружении дам вернулся в столовую. Прислуга принялась разносить новое лакомство. На губах всех служанок были следы взбитых сливок. Кофе по-итальянски прошел на ура, всем очень понравился новый вкус: главное – сладко! Посыпались вопросы. А где он научился, а какие рецепты еще знает? Сергей начал рассказывать. Он не хотел обманывать этих милых людей. Не виноваты они в том, что в XVIII веке путешествия – это тяготы и опасность, а не удовольствие. Мир еще не познан, вероятность погибнуть в путешествии очень высока. Намного выше шанса полюбоваться заморскими красотами.

Примерно через два часа князь Бабарькин сказал:

– Сергей Николаевич, голубчик, а не покажете ли свой сундучок? Там есть занятные денежки.

– Да-да, просим, покажите, – поддержали остальные.

Сергей сам принес сундучок и высыпал часть содержимого на стол. Монеты со звоном посыпались и покатались в разные стороны. Юное поколение с визгом бросилось подбирать. Все заинтересованно столпились, даже прислуга у стен и дворовые в окнах подались вперед.

– А это что? А это откуда?

Сергей не успевал отвечать, но ответов и не требовалось. Люди просто выражали свои эмоции, они еще много раз успеют спросить-переспросить.

Тем не менее, взглянув на монетку, он рассказывал про страну, людей и обычаи. Ахи, охи, «не может быть!», «как же?». Прошло еще часа два, поздно. Дети стали складывать монетки в сундучок.

– Сергей Николаевич, а можно мне это взять?

– Да, конечно.

– Сергей Николаевич, я хочу вот это и это...

– Пожалуйста, берите, что за вопрос.

Все стали выбирать и откладывать монетки, взамен передавая серебро. Карманы Сергея быстро оттопырились. Он не ожидал такого успеха, хотя ничего удивительного нет: каждому хочется купить сувенир на память о встрече с другой, удивительной и полной приключений жизни.

Один за другим последовали визиты: Воронцов, князь Кирилл Петрович Нарышкин, граф Семен Тимофеевич Шереметев, помещный дворянин Петр Савельевич Шептунов, князь Сергей Васильевич Бабарькин и купец Воронин. К удивлению Сергея, дворянство и купцы не чурались друг друга. Круг постоянных гостей тоже определился. И если первое время он ходил в сопровождении слуги, который нес сундучок и кофеварку, то дней через десять про сундучок уже не спрашивали, а кофеварку относили в нужный дом заранее. Монетки покупала даже прислуга и, возможно, приторговывала ими. Но никто и никогда не просил подарить.

Довольно быстро у него набралось более ста двадцати рублей серебром и десяти рублей золотом. Неожиданный доход, полученный с продажи сувениров, обнадежил. Это были очень серьезные деньги, а количество монеток в сундучке, видимо, не изменилось. Он купил парик по моде, появилась первая современная одежда и обувь. Но заказ на пошив был далек от завершения. Сергей установил распорядок дня: утром гимнастика, завтрак, конная прогулка за город на Буяне. Иногда на обратном пути, по случаю, заглядывал в гости. Затем час энергичных физических упражнений. Что здоровье надо ценить, он уже знал.

После физических упражнений принимал летний душ, который по его подсказкам делали дворовые. Скоро душ стал популярным, им пользовались все, включая губернатора. После обеда прогулка по городу с обязательным походом на рынок. Во время прогулок разговаривал с разными людьми, заходил в гости, иногда оставался попить чаю. Затем снова верховая прогулка, теперь уже на Буране. Его наезднические навыки заметно улучшились. Кони к нему привыкли, он в свою очередь определил физические возможности лошадей. На вечерних визитах познакомился с учителями гимназий. Стал регулярно заходить к ним в гости. Необходимо было определить уровень знаний этого времени: что уже известно, что нет. О Сергее заговорили как об очень образованном и интересном собеседнике.

Сергей подумал было о карьере ученого. С его инженерными знаниями стать известным академиком в XVIII веке – пара пустяков. С удивлением узнал, что Ломоносов жив, здоров и занимается своими делами в Петербурге. Но нет, научная карьера не для его натуры. Взял у учителя словесности учебник. Если и не выучит грамматику и орфографию, будет использовать как шпаргалку. К тому, что он не совсем правильно говорит и пишет, окружающие относились спокойно. Человек с малолетства жил за границей и, по определению, должен говорить неправильно.

Но настоящий фурор он произвел стихами. Сергей никогда не был любителем поэзии, но в шестидесятые годы поэзия была в моде. Он, как и все, покупал книжечки со стихами и читал эти стихи девушкам. Что-то ему запомнилось. Как-то вечером Сергей прочитал под настроение несколько лирических стихотворений. Эффект был потрясающий, его слушали в заворуженном молчании, а потом долго аплодировали. Тогда он запел – песенный репертуар был намного богаче. Здесь помогли три класса музыкальной школы и обязательное пианино в салоне кают-компаний.

Познакомившись с офицерами гарнизона, Сергей заинтересовался армией XVIII века. Расспрашивал о возможностях оружия, о тактике, о построении боевого порядка, о взаимодействии родов войск. Сходил в арсенал и посмотрел на пушки и ружья. Он смотрел не пустыми глазами досужего посетителя военного музея. Его серьезно интересовала боевая результативность этих орудий. Вывод его опечалил – оружие слабое. Для достижения максимального огневого поражения противника необходим своевременный маневр пушек и солдат, что, в свою очередь, требует высокой выучки войск. О нем заговорили как о сведущем в военном деле человеке.

Во время своих конных прогулок Сергей смог оценить Астраханский тракт. Дорога Москва – Рязань – Тамбов – Астрахань равнялась расстоянию от Москвы до Парижа. Была только одна маленькая разница. Между Тамбовом и Астраханью было только четыре казачьих станицы. Самая большая станица называлась Царицын, она стояла при впадении реки Царица в Волгу. Никакого покрытия на дороге не могло быть в принципе. Чтобы понять почему, достаточно сесть на телегу и проехать по асфальту. Лучшего вибростенда нигде не найти: нет у телег ни рессор, ни амортизаторов, ни резиновых шин.

Но движения на Астраханском тракте практически не было. Грузы и товары перевозились по Волге, тракт существовал для переброски войск и почтовой связи. Почтальонами были казаки, а казаки – калмыки или татары. Сергея это очень удивило, в кино и книгах казаки

всегда были русскими. Когда Сергей заговорил об этом с губернатором, то ответ удивил еще больше.

– Астраханский тракт обслуживают калмыцкие и татарские казачьи полки.

– Русских казачьих полков совсем нет? – удивился Сергей.

– Волжское казачье войско создано двадцать пять лет назад, к нему приписали всех беглых крестьян, что поселились на Волге.

– А чем заняты волжские казаки?

– Патрулируют берега реки. Беспорядочных татар еще много, нападают разбойники на купеческие ночевки.

Воспользовавшись случаем, Сергей решил разузнать о безопасности путешествий по России.

– Скажите, Иван Николаевич, насколько безопасны дороги между Тамбовом и Москвой?

– А какая опасность тут может быть? Татары так далеко не забегают.

– Я спрашиваю не про татар, про русских.

– Ты говоришь о невозможном. Если случится нападение, то помещный дворянин немедленно устроит розыск и дознание.

– Но ведь может случиться так, что розыск будет неудачным.

– Заруби себе на носу, Сергей Николаевич: если на твоих землях случится разбой, то ты лишишься своего имения и уедешь под конвоем в Сибирь.

Такая постановка вопроса оказалась неожиданной. Но тактика, надо признать, весьма действенная...

Первая неожиданность произошла через две недели. Сергей занимался во дворе гимнастической, используя тяжелые чугунные утюги как гантели. Одновременно он перешучивался с Глашенькой, дочерью Воронцовых. Во двор вошел офицер гарнизона Иван Баскаков. За ним следовали четверо солдат с тяжелыми тюками. Желая пофорсить перед знакомым офицером, Сергей встал на руки и попрыгал на руках. Затем сделал колесо влево и вправо. Закончил показательные упражнения кульбитом назад, который недавно освоил на берегу реки.

– Ловок ты, Сергей, – сказал Иван.

– Видел бы ты орлов из морской пехоты! Голыми руками врагу хребет перебьют.

– А что такое морская пехота?

– Специально обученные офицеры и солдаты. Они высаживаются на берег с кораблей для решения различных боевых задач.

– Нам это не грозит, морской гвардейский корпус только на галерах грести умеет.

Сергей согласно кивнул головой, в России практически не было флота. Соответственно, не нужна и морская пехота.

Баскаков покрутил в руке утюг, шутиливо шлепнул по заду служанку и сказал:

– Нашли мы место твоего сражения. Головы порубал и врагам и лошадям! Силен.

...Как-то в разговоре с офицерами он предложил в конном бою свое видение тактики. Если врагов больше, необходимо непрерывно перемещаться, пересекая им дорогу. Или проходить мимо встречным курсом и бить сначала лошадей – лошадь легче достать. Такая манера боя неизбежно вызовет у врага сутолоку. А спешенного противника потом будет легче достать. Как ни забавно, такой вариант он придумал во время компьютерной игры. Но в компьютерной игре в случае неудачи можно перезагрузиться и попробовать что-то другое. В реальной жизни неудачное решение означает конец этой самой жизни...

Сергей какое-то время осмысливал слова офицера. Он уже забыл о своих первых словах, сказанных губернатору.

– А ты уверен, что место правильно нашел?

– Так другого места в пяти днях от Тамбова нет, а это в четырех днях для отряда. Ты со своими рысаками в два дня легко покроешь.

– Ошибки нет?

– На восток от Татарского вала, мы его сразу нашли после твоего приезда, по воронью. Двадцать семь лошадей.

– А люди?

– Четверо европейцев и шестнадцать татар! Сам говорил, что с тобой четверо слуг было.

– Не может быть!

– Может или не может – не знаю. Говорю то, что сам видел. Нашли ночную стоянку, где татары добились еще четырех лошадей и трое татар умерли от ран.

– И татары никого не похоронили?

– Европа! Они никогда и никого не хоронят, басурмане!

– А если это были купцы или путешественники?

– Какие купцы? Какие путешественники? Они ездят или по Волге, или по Дону.

– А если это были персы?

– Ну что ты говоришь? Какие здесь персы, персы поедут по Волге. Да и оружие все английской работы. У нас оружие или тульское, или немецкое, или турецкое. Вот, возьми свое имущество.

Солдаты развернули тюки, он увидел восемь седел со сбруей и отдельно два пистолета, ружье и прямую длинную саблю, больше похожую на шпагу.

– А палаш где? – неожиданно для себя сказал Сергей.

– Сломан. Мы его вместе с другим ломаным оружием в полковую кузницу отнесли.

«При чем здесь палаш?» – подумал Сергей. Хотя в курсантские годы морской палаш был атрибутом парадной формы.

– Слышал я, что моряки к палашам привычны. Весь черный от басурманской крови, по самую рукоять. Принести?

Сергей отрицательно покачал головой. Кем были эти люди? Кто не дожидается от них весточки? И главное, пришел, болтнул и забыл: мол, дикари здесь живут... Нет, это мы дичаем в XXI веке!

– Не горюй, Сергей! – по-своему расценил молчание Иван. – Оружие нашли под мертвыми.

– Только оружие? – с надеждой на ошибку спросил Сергей.

– Татары подобрали все, оставили только ломаное, да седла срезали, они им ни к чему.

– Вот что, Иван. Возьми мою татарскую саблю.

– Спасибо, будет чем похвастаться, я с татарами еще не сходил.

Все население губернаторского дома с любопытством собралось во дворе. А как же, событие!

Сложилось и отношения с женщинами. Нравы были попроще, более естественные. В первый вечер только он лег в кровать, как открылась дверь и вошла служанка:

– Что барин желает на ночь?

И сколько вариантов ответа?

– Тебя желаю.

Так к нему каждый вечер стали приходиться служанки. Как предполагал Сергей, у девушек был свой график посещений. Позже он узнал, что забеременевшие девушки возвращались в деревню и выдавались замуж. Причем жениха выбирал сам барин. Такие отношения считались обыденными, не вызывали отрицательных эмоций. Крепостное право, или проще – рабство, было привычно для всех.

С дамами ближе познакомился на второй день, и сам был не особенно скован, и дамы довольно настойчивы. Началось с Дашеньки, двоюродной сестры Софьи Николаевны, жены князя Нарышкина. После нескольких прижиманий женщина предложила показать дом. Когда вошли в комнату, Дашенька, задрвав подол, упала на кровать. И Сергей в этой ситуации повел себя должным образом.

Скоро он хорошо разобрался с этой стороной жизни. Все женщины от восемнадцати лет были замужем. Основная масса дворян на военной службе. Их жены в конце зимы уезжали из гарнизонов в имения к родителям или к родне. В начале зимы жены возвращались к мужьям. Макияж XVIII века целоваться не позволял, иначе помада была бы размазана по обоим лицам. Нового в сексе после XVIII века ничего не придумали. Снять платье с женщины было трудно, а надеть обратно – невозможно. Оказывается, женщины просто зашиты в свои платья. Еще обязательным атрибутом являлся парик на заколках. Женщины XXI века должны этим женщинам глубоко сочувствовать!

Каждый вечер одна из дам падала перед Сергеем и задирала подол. Скоро он получил в женском обществе славу «кобеля», что только утяжелило его труды на этой ниве. Со временем Сергей освоился с некоторыми правилами флирта. Невинное для XXI века общение с женщинами в веке XVIII воспринималось как желание интимного контакта. Незнание и несоблюдение условностей и принятых приличий могли привести к дуэли. В итоге Сергей напрямую попросил Воронцова:

– Ваше сиятельство, мне необходимо обучиться принятым правилам этикета.

Губернатор какое-то время молчал, затем ответил:

– Согласен. У моих дочерей есть гувернантка, вот и ты присоединяйся к обучению. От этого всем будет только польза.

На четвертый день своего появления в Тамбове, в доме Шереметевых, Сергей обратил внимание на одну даму. Высокая, статная, по-настоящему красивая, она резко выделялась в обществе. «Купчиха Сазонова, Аграфена Фоминична» – заметив его интерес, сказал Воронцов. – Очень богатая бездетная вдова. Ее отец купец Баратыкин попался татарам под Воронежем и погиб. Семья начала бедствовать, но пятнадцатилетнюю Аграфену сосватал купец Сазонов. Сазонову было тогда 56 лет, через одиннадцать лет он умер. Аграфена Фоминична выгнала из дома его детей и всю его родню. Выгнала на улицу, не дав ни копейки, через сорок дней после смерти мужа. Два года ведет дела одна, и очень успешно, многих купцов уже обошла. Еще больше у нее в долгах, и среди дворян должников хватает. Сватов и женихов на порог не пускает, с мужчинами очень холодна. Многие наши красавцы к ней подбивались, но, кроме пощечин, ничего не получили. В доме одни женщины, кучером родной брат, но живет в другом доме с женой».

Сергей только пожал плечами, знакомая по литературе ситуация. Возможно, и в XXI веке в России такие ситуации есть. Только молчат о них, и молчать будут очень долго.

Вечер проходил как обычно. После рассказов о заморских странах и различных забавных историях, которые Сергей приукрасил и адаптировал под реалии этой жизни, все начали шутить. Атмосфера вечера становилась непринужденной и веселой. Пошли анекдоты, несколько громоздкие, с точки зрения Сергея, и не всегда ему понятные. (Кстати, никто не курил и не пил, за четыре дня он не встретил пьяного или курящего человека. Из спиртного он чаще всего видел бражку – легкий пенный хлебный или медовый напиток. Были еще сидр – перебродивший яблочный сок – и наливки. В основном вишневая или сливовая наливка со слабым содержанием алкоголя.)

Постепенно анекдоты становились фривольнее. Сергей решил присоединиться к рассказчикам с анекдотами про моряка и попугая.

После пятого анекдота присутствующие буквально рыдали от смеха, лишь купчиха Сазонова слегка улыбалась. Следующий анекдот был довольно двусмысленным. После слов «она удивилась, оказавшись голой в его объятьях», когда все грохнули смехом, раздался голос купчихи Сазоновой:

– Меня ему не удивить!

Многие недоуменно к ней обернулись, дамы, глядя на нее, стали хохотать еще больше...

Эта встреча получила неожиданное продолжение. На следующий день после возврата «утраченного» оружия Сергей решил проверить боевые возможности пистолетов и ружья, точнее мушкета. Он не имел понятия, как пользоваться саблей, а изображать из себя мальчишку с палкой у зарослей крапивы не собирался. Времена, когда воины, сомкнув щиты, шли убивать врага мечами и топорами, прошли. Уже наступила эпоха мушкета и штыка. Сабля оставалась массовым оружием кавалерии и офицеров. Кроме того, сабля требовала особых навыков. Сергей умел хорошо рассчитать орудийный залп или пуск ракет. Пистолет и мушкет – не ракеты, но все же привычнее сабли или штыка.

После обеда Сергей поехал в казармы и попросил оружейника проверить оружие. При этом сам отслеживал все действия, особенно проверку ударного механизма. Оружейнику льстило такое внимание офицера. Он не только все внимательно осмотрел, но и все объяснил. Научил правильно менять кремень, а на прощание дал несколько полезных советов. После оружейника Сергей отправился к офицерам и выпросил порох, пули и пыжи.

На вечернюю прогулку поехал в джинсах и гипюровой рубашке: было тепло и не хотелось потеть в камзоле. Нашел подходящее место и начал учиться. Мешочек с порохом в ствол, затем пыж и шомполом прижать, чтобы не было пустот. Пуля и снова пыж, пуля не выкатится, будет плотно прижата к заряду. Долго вертел пистолет в руках, пытаюсь понять, как теперь проколоть мешочек через запальное отверстие. Наконец нашел нужную фиговину. Теперь надо насыпать порох на полку – и готово, можно стрелять.

Нажал на курок, сноп искр, ослепительно пыхнул порох – и ничего. Вдруг – бенгальский фейерверк из запального отверстия. Пламя из ствола, и все заволкло дымом, руку мотнуло отдачей, куда попал – а шут его знает. Стал готовиться к новому выстрелу и чуть не погиб, спасло полное отсутствие навыков. Забил в ствол мешочек пороха и начал выковыривать из подсумка пыж. Неожиданно раздался выстрел! Пистолет выбило из руки, он, кувыркаясь, запрыгал по траве.

Почувствовав потрясение хозяина, вскинулся Буран. «В одной руке пистолет, в другой – шомпол. Это гарантированный конец, шомпол вошел бы в глаз», – думал Сергей. Ствол надо чистить после выстрела! Потом сообразил, что ствол горячий и надо ждать, пока остынет.

Сергей стрелял, пока не кончился порох, но результат был неутешительным. Из пистолета он уверенно попадает в цель с десяти метров, из мушкета с сорока – сорока пяти. Дальше полет пули непредсказуем. Оружие тяжелое, для надежного прицеливания нужна сила в руках. Есть и другой серьезный недостаток – отсутствие прицела. Для надежной стрельбы нужен хороший глазомер и регулярные тренировки.

В город возвращался галопом, снимал напряжение от стрельбы. По времени он уже опаздывал на вечерние посиделки. Сегодня намечались изменения, надо узнать, к кому идти, успеть еще помыться и переодеться. У городской заставы его ждали.

– Барин, тебя Аграфена Фоминична к себе на день ангела ждет.

– Какая Аграфена Фоминична?

– Купчиха Сазонова.

Вспомнил бизнес-леди, которую «не удивить». Ему все равно куда.

– Когда надо быть?

– Все гости давно в доме, один ты загулял.

– Тогда веди, я ее дома не знаю.

Солдаты у заставы фыркнули, заулыбались – в городе ее не любили.

Подъехали к дому на будущей Советской улице, Сергей бросил поводья провожатому и, сказав «отведи», вошел в дом. Да, все уже были в сборе, начались взаимные приветствия. Засуетились дамы, пытаясь создать место для стула около себя. Каждая дама желала усадить Сергея рядом. Но тут встала женщина, сидевшая рядом с Аграфеной Фоминичной, такая же статная и красивая. «Похоже, мать», – подумал Сергей.

– Садись сюда, барин, – сказала она и недобро улыбнулась.

Сюда так сюда, он в гости не просился и не свататься пришел.

Когда проходил мимо офицеров, те унюхали запах пороха.

– Стрелять ездил?

– Да, господа, надо форму держать, приглашаю назавтра, из пистолета десять шагов, победителю рубль!

Договорились о времени. Устраиваясь на стуле, услышал от Аграфены Фоминичны:

– Вы, дворяне, только тратить деньги умеете.

Посмотрел в ее красивые глаза, но промолчал. Рубль – не велика плата за учебу, сегодня неумехой чуть себя не застрелил.

Посмотрел на Аграфену Фоминичну еще раз, и стало жалко эту красивую женщину. У нее сегодня день ангела, а на лице никакого веселья. Сергей решил посвятить вечер ей. Стал ненавязчиво ухаживать. Рассказывать смешные и нейтральные истории только ей, тихо, наклонившись к уху. Шутливо, но без злословия комментировал происходящее за столом. Потом увлекся, ухаживания стали более галантными. Compliments сыпались непрерывно, пошли легкие разогревающие двусмысленности. К концу вечера они уже сидели лицом друг к другу, не замечая других гостей. Не успела закрыться дверь за последним гостем, а он уже нежно целовал ее нежные губы.

Сергей «удивил» Аграфену Фоминичну на ее кровати, потом еще и еще. Впрочем, и Аграфена Фоминична удивила его своей неожиданной, огненной страстью. Они проснулись поздно, еще дважды «удивились» и пошли завтракать. В столовой их ждала мать Аграфены Фоминичны – Пелагея Макаровна. Красивая, по виду сорокалетняя женщина смотрела на Сергея как на личного врага. Позавтракав, он поцеловал Аграфену Фоминичну, теперь уже просто Аграфену, и побежал догонять нарушенный распорядок дня. По дороге он понял: события в постели Аграфены Фоминичны Сазоновой известны всему городу. А со слов прижатой служанки сделал вывод о том, что весь Тамбов стоял под окнами спальни. Все слушали сладострастные крики Аграфены Фоминичны и звериный рык Сергея. После обеда снова пошел в дом Сазоновой. Поцеловал радостно улыбающуюся Аграфену и повел ее в спальню. Там они «удивлялись» еще час.

Офицеры гарнизона проводили стрельбы вяло. Солдаты готовили и заряжали пистолеты. Офицеры выходили на позицию, расставляли ноги, поворачивались боком и, закинув левую руку за спину, стреляли. Их интересовало только одно – как Сергей провел ночь. Он отшучивался, предлагал потренировать их с одной из известных своей доступностью дам. Особо настойчивым предлагал провести мастер-класс с дамами в бане. Но банные мастер-классы они уже прошли в юности в своих имениях.

Сергея больше интересовал процесс перезарядки оружия. Он стоял рядом с солдатами, отслеживая их действия.

– Да не волнуйся, вашблагородь, не впервой, – говорили солдаты.

Они понимали его интерес по-своему. Для него-то впервой, поэтому и смотрит. В итоге победил Сергей, напоследок удивив офицеров стрельбой с двух рук. Вообще-то так не дела-

лось: стрелять левой рукой было неправильно и опасно. Можно было получить увечье через запальное отверстие.

С этого дня распорядок Сергея немного изменился. Теперь после обеда он шел в дом Сазоновой и, обняв Аграфену, вел ее в спальню. Там они проводили в сладострастии час-полтора. По вечерам во время уединения с Сергеем дамы сначала спрашивали: «А как же купчиха?» – и только потом, задрав подол, ложились на диван.

Так прошла еще неделя, но однажды, лаская Аграфену и целуя ее грудь, он вспомнил о деле. Когда сели пить чай, обратился:

– Аграфена, завтра поговорим о деньгах.

Аграфена Фоминична внутренне напряглась, она давно ожидала, что любимый попросит денег. Продумывала варианты, сколько дать, хотя в душе была согласна отдать все, лишь бы он всегда был рядом. Резко вздрогнула и Пелагея Макаровна. «Я тебе говорила, что этот кобель пустит тебя голой по миру», – было написано на ее лице.

– Аграфена, завтра будет нужна вот эта служанка, – он показал пальцем, – и белошвейка.

– Какая белошвейка, зачем?

– Хорошая белошвейка, не болтливая, которая будет на тебя работать.

Глаза Пелагеи Макаровны запылали огнем: «Люди добрые, это что же творится, мало ему моей дочери да потаскух дворянских, он еще двух требует!»

На следующий день поцеловал Аграфену и повел ее в спальню. Через час вышли пить чай и за чаем, отыскав взглядом служанку, сказал ей:

– Оголи грудь.

Служанка проворно скинула сарафан. «Грудь, а не ж...» – чуть не закричал Сергей. «Да они что, все голые ходят?» Пелагея Макаровна от неожиданности выплеснула горячий чай из блюдца на ноги и с визгом подскочила. Аграфена округлила глаза, но сидела молча. Служанка, чуть отставив ногу, заинтересованно смотрела на Сергея. Он взял из сумки бюстгальтер и подошел к служанке сзади.

– Помоги, – позвал Аграфену.

Ничего не понимающая Аграфена встала. Разъяренным ротвейлером бросилась наперерез Пелагея Макаровна.

– И ты помоги, – обратился к ней Сергей, – я сам на нее это надевать буду?

Он развернул бюстгальтер перед служанкой.

Девушка быстро сообразила и, накинув бретельки на плечи, начала устраивать грудь. «Третий размер, точно», – удовлетворенно подумал Сергей. Опомнившиеся женщины, разобравшись с застежками и регулировками, начали ей помогать, осматривать и восхищенно ахать.

– Дай-ка я примерю, – оголяясь, сказала Пелагея Макаровна, но, вешая платье, увидела бесцеремонный взгляд Сергея, стала пунцовой и вышла.

– И что это? – указывая на бюстгальтер, спросила Аграфена.

– Очень хорошие деньги, ты с белошвейкой осмотри хорошо.

Женщины внимательно осматривали крой, швы, застежки и регулировку, что-то обсуждали, спорили и начинали сначала. Через час уставший ждать Сергей спросил:

– Белошвейка сможет такое сшить?

– Такой тонкой ткани у меня нет, а вообще смогу, ничего сложного, вот только тут внизу у груди что-то вложено и застежки мудреные.

– То, что поддерживает грудь, и застежки, я беру на себя, еще продумайте крой с кружевами здесь или здесь – стал показывать он – еще с вырезом почти до соска, и с подкладкой снизу, чтобы маленькая грудь казалась выше.

Милые женщины кивали головками, но смотрели только на бюстгальтер. Поняв, что сегодня их уже нет, он сказал:

– Аграфена, вели завтра заложить коляску, после чая покатаемся без кучера, там и поговорим.

Она повернулась и сначала недоуменно посмотрела. Но когда поняла смысл слов, она его крепко обняла и поцеловала. На следующий день поцеловал Аграфену и повел ее в спальню. После чая спросил:

– Коляска готова?

Аграфена, сияя глазами, утвердительно кивнула.

Только намного позже Сергей узнал, что выезд за город на коляске двоих означал оглашение взаимных отношений. Они объявляли всем – мы живем вместе. Но он этого не знал и хотел поговорить с Аграфеной о серьезных вещах без лишних ушей. Для общественного мнения города Сергей – моряк, повидавший много разных диковинок. Лихой воин, лично побивший два десятка татар. Настоящий мужчина: вечером пришел, а утром злобная красавица стала ручной кошечкой. Этот образованный и приятный человек был желанным гостем в любом доме. Соответственно и взгляд на Аграфену Фоминичну кардинально изменился. Из злобной вдовы она превратилась в прирученную возлюбленную бравого офицера.

Сергей взял вожжи, Аграфена счастливо прильнула к нему всем телом. Так, молча, они ехали с полчаса.

– Разобралась с бюстгальтером?

– Да, и мне, и белошвейке все ясно. С кого ты его снял? – неожиданно ревниво спросила Аграфена.

– С шемахинской царицы. Снял и голой по миру пустил.

– Ух, какой злодей мне достался! – она шутливо ткнула его кулаком, обняла и поцеловала. – Значит, до меня была царица... А на меня почему позарился?

– Сама знаешь, ты краше любой царицы!

Немного помолчали.

– Надо купить или построить костяной завод, – начал Сергей.

Рога и копыта – это потом будет звучать анекдотично. Но в течение многих даже не столетий, нет – тысячелетий это был единственный пластификатор. Рога и копыта будут плавить до середины XX века и только потом их вытеснит пластмасса.

– Костяного заводика у нас нет, есть мастерская Феофила.

– Кто такой Феофил?

– Мастерской, мастерская у него во дворе, он один работает.

– Если не сможешь купить, найди специалиста и построй.

– Зачем мне костяное производство? Прибыли большой не получишь.

– У бюстгальтера поддержка под грудь костяная и всякие застёжки.

– Ради такой мелочи костяное производство строить невыгодно.

– Я тебе пуговицы заморские принесу, будешь отливать и продавать купцам, у меня много диковинных пуговиц.

– Знаю я, слышана. Тимофей – портной – как увидел, рот открыл и два дня закрыть не мог.

– Но деньги мне приносит регулярно, и только серебро.

Сергей принялся рассказывать свое видение бизнеса в эпоху XVIII века. Начнут они снабжать бюстгальтерами тамбовских дам. А через полгода женщины всей России будут их носить, и никакой выгоды от бюстгальтера ни ему, ни ей. Первое – надо получить права собственника на идею. Второе – организовать массовое производство и как минимум два места сбыта. Само собой разумеется, это будут Петербург и Москва. Товар будет ходовой, первоначально пойдет нарасхват. Поэтому до начала торговли надо много завести готовой продукции.

Сразу предлагать разные модели, чтобы женщины приходили не только покупать, но и посмотреть.

Обсудили все детали, наблюдать за делами в Петербурге решили отправить Пелагею Макаровну. Брата Аграфены решили отправить в Москву. Вспомнив о правилах торговли XXI века (берешь шикарную коробку – а внутри фигня, дешевка), Сергей подробно рассказал про упаковку. Глядя на нее, у людей должна создаваться иллюзия, что внутри находится дорогая, по-настоящему ценная вещь. Обсудили различные варианты и остановились на полированных шкатулках. Такие шкатулки изготавливать не дорого, а внешний вид будет вполне презентабельным.

Вторым пунктом были косметика и парфюмерия. Полное раздолье для бизнесмена, делай продукцию, а купцы сами развезут по стране. Главное не забывать, что порой самая дешевая продукция может дать самые большие деньги. Это достигается за счет большего спроса. Положил на колени Аграфены коробочку с косметическим набором. Женщина с большим интересом осмотрела набор:

- От шемахинской царицы унес?
- От нее, родимой. Да ей не жалко, много у нее всяких диковинок.
- Костяное дело придется заводить, без него никак не обойтись.

Аграфена убрала косметичку, немного подумала и спросила:

- Из чего делать эти краски?
- Самое простое – это мел и цветная глина.
- Слишком просто.
- Чем проще делаем, тем больше прибыли.
- Ты за морями торговую хватку приобрел, – засмеялась Аграфена.

Снова пошло обсуждение деталей. Сергей выжимал из себя все, что знал об эфирных маслах, пудре, помаде и кремах. Духи XVIII века на основе розового масла. Если заменить основной носитель, можно получить дешевые, великолепно конкурирующие духи. Аграфена снова задумалась, потом отрицательно покачала головой:

- Ничего не выйдет, оливковое масло дорого, стеклянные флакончики очень дороги.
- Зачем нам оливковое масло? Подсолнечное намного дешевле.

С удивлением узнал, что подсолнечного масла не существует. Цветы такие знают, даже в садах сажают – еще мысль! Попросил Аграфену позаботиться о семенах подсолнуха. Пусть купит, сколько сможет, для посева на следующий год.

- Сеять будешь у меня в саду? – спросила Аграфена.

Снова проблема.

– Ты торгуешь зерном и знаешь земли и поместных дворян. Помоги купить землю и крестьян.

- Тебе деньги нужны?
- Деньги у меня есть, переплачивать не хочу.

Аграфена внимательно посмотрела на него:

- Ходят слухи о четырех кошелях золота, да не тратишь ты ничего.
- Я очень жадный, – засмеялся Сергей.

Со стеклом проблема. В России делали стекла мало, в основном завозили из Европы. Лучшим считалось венецианское стекло. Венеция – это отдельная тема, островок цивилизации в полудикой Европе. Когда варвары хлынули в Римскую Империю, греки смогли защитить только свои земли и узкую полоску побережья северо-восточной Адриатики. Отстояли греки и Венецию, куда хлынули беженцы из Рима. Сохранив знания и технологии, бывшие римляне начали развиваться. Венеция стала доминировать в Европе как торгово-промышленный центр. Тем более что Византия полностью игнорировала европейских варваров. Со временем вене-

цианские дожи отплатили грекам за добро. Плата за добро всегда одна: платят злом и предательством.

В Петербург вместе с Пелагеей Макаровой решили послать белошвейку Анюту. Сергей тщательно ее инструктировал и строго экзаменовал, хотя его знания о петербургской жизни базировались на романах и фильмах. Приготовили и очень аккуратно написали прошение от вдовы купца Сазонова. Вдова просила признать ее права на изобретение бюстгальтера. Также просила обязать тех, кто будет шить эти бюстгальтеры, выплачивать ей двадцать пять процентов прибыли. Фактически прошение было проектом указа об авторских правах.

Впоследствии Анюта рассказала о своей встрече с императрицей. Белошвейка сразу поехала в Царское Село, где, как и предполагалось, у места ежедневного выезда кареты толпились просители. В первый день хотела только осмотреться. Но гвардейцы обратили внимание на хорошо одетую и симпатичную девушку с дорожной сумкой. Поговорили, девушка дала им рубль, и, когда карета подъезжала к нужному месту, гвардейцы буквально выбросили ее к карете. Похоже, ритуал был отработан, дверь кареты открылась, и Екатерина II спросила:

– Что просишь?

– За свою хозяйку прошу, за вдову купца Сазонова, – и протянула три лаковые шкатулки.

Чьи-то женские руки взяли шкатулки, в карете раздались удивленно-восклицательные возгласы. Императрица заинтересованно что-то рассматривала, затем повернулась к девушке. Белошвейка протянула лаковый пенал с вырезанным и позолоченным драконом. Рисунок дракона взяли с коробки косметического набора. Екатерина II бегло прочитала прошение и сказала гвардейцам:

– Девушку в комнаты просителей.

Карета тронулась, гвардейцы подняли девушку и повели в комнаты прислуги. По дороге гвардейцы рассказали, что такая милость очень редка. Они были заинтригованы и все выспрашивали, что за прошение у нее. Девушка отшучивалась, чисто женские дела ее привели к императрице, им, мужчинам, не понять. Через два часа ее повели к императрице.

– Мне шить сможешь?

Такая ситуация была предусмотрена. Кроме отданных трех бюстгальтеров разного размера в сумке лежали заготовки. Анюта сделала выученный книксен:

– Позвольте сделать замеры.

Присутствующие дамы оголили Екатерину II, и Анюта ловко принялась за дело, попутно промерив бедра. «Ах какая ладная, ах какая стройная, ах какие пропорции, ах какие формы!» Грудь у императрицы была маленькая.

– Через час будет готово, – сказала Анюта.

– Помощь нужна? – недоверчиво спросила Екатерина II.

– Если дадите шесть девушек, будет готово через двадцать минут.

– Слышали? – обратилась Екатерина II к фрейлинам.

Оказавшись в соседней комнате, Анюта разложила заготовки и главное – подкладки. Они необходимы, чтобы грудь казалась больше. Набежавшие белошвейки споро помогли все сшить. Через десять минут было готово.

– А ты девка умелая, – похвалила императрица, – показывай.

Заготовки были на три разных по цвету и фасону шелковых комплекта, белый, синий и ярко-красный. Белый бюстгальтер очень понравился, но она недоверчиво посмотрела на то, что было названо трусиками. Разве это одежда: крошечный кусочек шелковой кружевной ткани? И зачем? Но надела и пришла в восторг. Особенно ее поразил ярко-красный комплект и то, что на трусиках на лобке было вышито сердечко.

– Молодец, девка! Но я так быстро дела делать не умею, жди завтра.

На следующий день Анюте вручили кошелек серебра за работу и дали красивую бумагу – патент на изобретение бюстгальтера. Последней вручили грамоту, в которой вдове Аграфене

Фоминичне Сазоновой жалуется дворянский титул без земель. Все завершил кошель золота – уплата за бюстгальтеры. Указ Екатерины II гласил о том, что изворотливые умом люди не должны от своих трудов нести урона. Они должны получать двадцать пять процентов прибыли, если кто другой будет делать то, что они удумали. Этот указ был доставлен в Тамбов раньше приезда Анюты. Кстати, в указе предписывалось сначала получить письменное согласие автора идеи. А если письменного соглашения не будет, все имущество нелегального производителя конфискуется в пользу казны.

Соблазнительные груди Аграфены вывели Сергея из ступора, вызванного перемещением во времени. Пора начинать активную жизнь. Дав Аграфене поручения найти нужных ему специалистов, он поехал к полковнику Михаилу Алексеевичу Вахрушеву. Михаил Алексеевич встретил гостя радушно и первым делом сказал:

– Я о твоих подвигах уже отписал губернатору.

– О каких подвигах? – удивился Сергей.

– Не скромничай, один девятнадцать татар положил и только четырех слуг потерял.

Сергей почувствовал себя неловко, нет его заслуги в этом. Чтобы уйти от неприятной для него темы, протянул полковнику бинокль. Михаил Алексеевич осмотрел диковинку, затем посмотрел в окуляры, подошел к окну и начал настраивать бинокль на удаленные предметы.

– Хороша вещица. Как называется?

– Бинокль.

– А черточки и крестики зачем?

– Для точной пушечной стрельбы, помогает рассчитывать дистанцию и упреждение, если цель подвижна.

– Зачем принес? Просто похвастаться?

– Нет, хочу начать сборку таких биноклей в Тамбове.

– Начинай, я тут тебе не помощник и не помеха.

– Для этого мне нужен белый специальный песок.

Полковник пожал плечами:

– Нужен песок, так ищи его.

– Мне солдат в сопровождение надо: они все местные, помогут быстрее найти нужное, и спокойнее в пути будет.

– Песка много надо?

– Нет, несколько телег в месяц.

– Нужных солдат подберем. Ты задумал полезное дело. А разрешение проси у губернатора.

От том, что его выезд за город с Аграфеной стал известен всему городу, Сергей понял, войдя в кабинет Воронцова.

– Ты с купчихой Сазоновой поехал за город ради денег? – вместо приветствия спросил губернатор.

– Нет, Иван Николаевич, работать вместе будем, о доле договаривались.

– А ты молодец! И полезное, и приятное! – хохотнул губернатор. – Что за дело?

Сергей подал бинокль и начал рассказывать. Кирпичный завод – раз, мастерская биноклей – два, земля и крестьяне – три, дом в городе – четыре. Его денег должно было хватить, они с Аграфеной тщательно просчитали все затраты. Он не спрашивал, сколько у нее денег, и рассчитывал только на себя. Она не спрашивала, сколько у него денег, и прикидывала, сколько он будет просить. Планы по заводам и созданию нового имения губернатору понравились.

– Сам выбирай себе землю, показывай землемеру, я подпишу, когда канцелярия подготовит бумаги.

– И для заводов.

– Да, только с кирпичным заводом не получится, нет тут нужной глины, уже искали.

Но Сергей помнил место, где в XX веке стоял старый кирпичный завод, снесенный после войны. Нынче это было примерно в километре-двух от городской стены, пригородных построек там еще не было.

Началась полная забот жизнь и первая проблема – покупка людей. Крестьянская семья стоила 50 копеек. Готовый дом, точнее сложенные и пронумерованные бревна на противоположном берегу городского канала, – тоже 50 копеек. Если готовых домов было сколько угодно (а не хватает – только скажи, через неделю по реке еще привезут), то людей не было, совсем не было, крестьян никто не продавал, Сергей смог купить только три семьи. Купил им на рынке лошадей, коров, птицу, показал кучки бревен, которые должны стать их домами. Затем объяснил новоселам, где его земля. В заключение показал приказчика Аграфены – у него можно взять зерно – и до свидания, приеду потом.

Городская сторона канала была сплошным причалом, вдоль которого плотно стояли баржи. На берегу плотной стеной протянулись амбары и лабазы. Все покупки он делал только вместе с Аграфеной. Ее присутствие сразу снижало цену. Наверное, были еще какие-то, неизвестные ему взаимоотношения между купцами. Как-то после покупки камней под фундамент кирпичного завода Аграфена показала на шестерых крепких парней и сказала:

– Забирай. Это был залог, а срок уже вышел.

Сергей Николаевич протянул ей три рубля.

– Нет, – засмеялась Аграфена, – только рубль.

Так он узнал, что купцы не могут владеть землей и людьми. Это была исключительная привилегия дворян. Промышленники получают землю под конкретное дело. Но на работу могут взять только вольных людей. Дворяне этим пользовались, отдавали крестьян как залог, а потом, пропустив все сроки, выкупали. Купец их не может себе забрать, а Сергей может.

– Аграфена, переговори с купцами, купи для меня всех заложников.

– Всех? – недоверчиво переспросила она.

– И просроченных, и тех, чей срок до августа, дворяне залог раньше сентябре вернуть не смогут, если вообще смогут.

– На всех у тебя денег не хватит.

– Переговори тихо, чтобы не успели догадаться и цену поднять. Мне еще дом надо купить каждому заложнику.

– Молодец, – засмеялась Аграфена, – быстро и правильно соображаешь, но денег у тебя не хватит, здесь больше сотни просроченных заложников.

– Жаль, на крестьян и дома я могу потратить только сто рублей.

– Дома тебе я куплю оптом, мне их почти даром отдадут и еще спасибо скажут. Спроси на дома будет к осени, а почему ты хочешь каждому парню дом купить?

– Дом для человека – всегда дом, и парни, помогая друг другу, свои дома быстро соберут. До осени обживут, а осенью дам каждому полтинник – они жен приведут.

Аграфена серьезно посмотрела на него:

– До этого и я бы не додумалась! За людей и дома ты заплатишь намного меньше, я обещаю.

Между городской стеной и кирпичным заводом быстро вырос пригород из ста четырнадцати домов. У Сергея изменился распорядок дня, времени на вечерние конные прогулки совсем не хватало. Только одно осталось неизменным: после обеда он целовал Аграфену и вел ее в спальню. Как-то во время уже ставшего традиционным чаепития она сказала:

– У меня для тебя подарок, – и показала на соседний дом, – я его купила тебе.

– Как только кирпичный завод будет готов, дом разберем и поставим кирпичный в два этажа.

– А с этим домом что делать будешь?

- В другом месте поставлю, будет в нем Оптико-механический завод.
- Затем наклонился к Аграфене, куснул ее за ушко и нежно поцеловал:
- Спасибо!

Еще одно изменение распорядка: к концу дня к Сергею приезжала Аграфена. Кучер брал его коня, а они ехали вместе в один из домов на посиделки. И в доме Аграфены раз в неделю стали собираться гости. В такие вечера он оставался ночевать.

Вторая неожиданность произошла в июне. Кирпичный завод принимал вид законченного здания, хотя строили его наоборот. Сначала поставили маленькую печь для обжига. Потом копали глину, обжигали кирпичи, и из этих кирпичей ставили стены. Когда появилось много рабочих, сделали большую печь, и строительство пошло быстрее. Своих парней Сергей разделил на десятки, назначил бригадиров и двух прорабов. Главными на стройке были гончар и каменщик, нанятые по протекции Аграфены. Планировалось, что это будущие руководители производства.

По случаю купил еще две семьи и решил поехать вместе с крестьянами. Надо проверить, как обустроились предыдущие три семейства. Аграфена напросилась поехать вместе с ним. Ей надо было собрать «разведанные» с полей и навестить две усадьбы. По ее словам, все по пути. Они переночуют в первой усадьбе, затем остановятся во второй. Там она останется, а Сереженька поедет на свои земли и через день вернется. Всего путешествие займет шесть дней.

Поехали на коляске Аграфены без кучера через неделю после переселенцев. На свои земли рассчитывал приехать одновременно с переселенцами. К месту первой ночевки приехали засветло. Встречать вышел пятидесятилетний помещик. В доме засуетились, все собрались вокруг стола. Гости приехали, будут разговоры и новости. Хотя про Сергея и его отношения с Аграфеной уже наслышаны. Приблизительно через полчаса пришла семидесятилетняя старушка и вдруг...

- Сережа, Сереженька! – она бросилась обнимать Сергея.

Сказать, что он опешил, – ничего не сказать, а старушка плакала и целовала его, радостно причитая:

- Внучек ты мой, кровинушка родная, наконец-то я тебя дождалась!

Зашевелились и разом заговорили присутствующие, вышел из ступора Сергей.

– Это Сереженька, внучек мой, сын Евдокии, ваш племянник и двоюродный брат! – обратилась старушка к присутствующим.

Начались охи да ахи, объятия и поцелуи. «Нет у меня здесь никаких родственников, нет и не может быть!» – тем временем думал он. Начал задавать уточняющие вопросы, пытаясь найти несоответствия. Дочь Алевтины Мефодиевны Грушевской – Евдокия Владимировна вышла замуж в Петербурге за Николая Сергеевича Алексева. Приезжали в гости на следующий год после свадьбы и уехали дальше к родителям Николая Сергеевича, это в сторону Пензы.

- Но я не помню приезда своих родителей в это имение, – возразил Сергей.

– А я, Сереженька, никогда тебя и не видела, после ранения Николая Сергеевича отпустили со службы по здоровью, и вы уехали в Италию.

– Так я по-итальянски только *buon giorno* знаю. Испанский и французский – знаю, а итальянский нет.

– Правильно, вы сразу переехали во Францию, а потом в Испанию, вот письма, вот отпечаток твоей ладошки, я вам три раза деньги переводила, во Францию, Испанию и в Англию, потом получила сообщение, что в Англии и померли, от заразы какой-то.

- Как же вы меня узнать смогли?

– Смотрю – вылитый Николай, отец твой. И лицо, и рост, сразу догадалась, кого в дом Бог привел.

Самозванец в городе – это одно, самозванный родственник – это другое. Он не хотел быть самозванным родственником. С другой стороны, от него требовалось только иногда навещать выжившую из ума старушку да помочь ей деньгами и вниманием. Потратилась она, помогая своей дочери и зятю, надо вернуть долги, пусть и чужие. Что старушка выжила из ума, говорило опознание перстня. Не могла она раньше видеть этот перстень, сделанный в XX веке.

Следующий день ехали молча, Сергей тупо смотрел вперед, не желая ни говорить, ни думать. Так не бывает! Он уже более месяца в невероятной ситуации и даже начал обживаться. Надо решаться: или энергично войти в эту жизнь, или тихо сидеть в Тамбове. Переночевали у гостеприимных Мамоновых, а утром один поехал верхом на свои земли. Аграфена осталась его ждать. При нем говорили только о радости в доме Грушевских. Сергей, чтобы уйти от неприятной темы, взял несколько листов бумаги и нарисовал эскиз черепицы в нескольких проекциях. Бумаги отдал Аграфене, попросив напомнить, когда дом будут подводить под крышу.

Тамбов не Москва, здесь частых пожаров не было. Москву основали кузнецы, Юрий Долгорукий пришел в город намного позже. Москва долгое время была центром русской металлургии. Отсюда и частые пожары от многочисленных доменных печей и кузниц. В Тамбове же стояли полные зерна амбары, и здесь за огнем следили строго. Но Сергей вспомнил о черепице и решил сделать свой дом с черепичной крышей. Будет ли спрос на черепицу, он не задумывался.

В зарождающейся деревне Сергей назначил старосту, осмотрел дома, подготовку полей, велел зерно сеять только для себя. Обещал к весне привезти масленичные семена. Вот урожай тех семечек будет для него. Налоги два года собирать не будет, имение строить не планирует, живите и размножайтесь. Когда народа будет больше, даст кирпич на церковь. Но камень на фундамент они должны заготовить сами. Больше ничего сказать не мог. Весной бросают в землю семена, осенью собирают урожай – это были все его познания в земледелии.

Обратной дорогой Аграфена попросила заехать на несколько хуторов свободных крестьян. Цель поездки оказалась простой и понятной. Она заключала сделки на новый урожай. По желанию давала аванс или скупала все на корню. Лето, хозяйство требует денег, а сбор урожая будет только в августе. Ехали от хутора к хутору достаточно быстро, иногда вдали виднелся Татарский вал. Пока Аграфена договаривалась, кони отдыхали и получали корм.

Сергей пытался придумать свое место в этой новой для себя жизни. Куда направить свои силы, на чем сосредоточиться? Все его теперешние начинания – это путь на уровень дворянина средней руки. Обеспеченными будут в лучшем случае дети. Идти на службу во флот не хотел, рутинная пустая служба его не устраивала. Флот России XVIII века – это флот Финского залива. Корабли с ноября по май стояли в Кронштадте или Ревеле. Офицеры – в основном иностранцы, шотландцы или португальцы. Пришли на русскую службу именно ради такого ничегонеделания... Но ничего путного Сергею не приходило в голову. Кирпичный завод будет приносить регулярный, но средней руки доход. Запланированный Оптико-механический завод еще долго будет затратным предприятием.

Ближе к вечеру заметили небольшой отряд. На пригорок поднимались несколько всадников и группа пеших. Татары! Сергей спрыгнул с коляски, достал из дорожного ящика пистолеты и мушкет, начал заряжать. Раззява! Поехал, даже не поинтересовавшись о возможной опасности в пути. Оружие взял только ради возможной охоты. Аграфену жалко, погубил женщину, дурак. Повернулся – шесть всадников с саблями в пятидесяти метрах. С холодным равнодушием сделал пять шагов и выстрелил по лошадям. Сначала из мушкета и следом из двух пистолетов. Схватил мушкет за горячий ствол и прыгнул сквозь дым вперед.

Его появление из клубов порохового дыма оказалось для скачущих татар неожиданным. Сергей ударил ближайшего всадника прикладом в грудь, в воздухе мелькнули голые пятки. Рванулся в сторону и удачно столкнулся с другой лошадей, ударив ее мушкетом по ногам.

Лошадь шарахнулась, а всадник, занесший для удара саблю, полетел на землю. Поймал его за ногу и ударил коленом, татарин, по-пороссячьи хрюкнув, упал мешком. Снова подхватил мушкет за ствол, последний всадник уже разворачивал своего коня. Сергей посмотрел на Аграфену – та стояла в коляске с расширенными от ужаса глазами и прикрывала ладонью рот. Использовать коляску как прикрытие нельзя, можно задеть Аграфену.

Короткими шажками сместился в сторону, желая встать между всадником и лежащими татарами. Лошадь на человека не наступит, лошадь не хищник, а мирное домашнее травоядное. Приготовился, планируя ударить лошадь прикладом по морде. Нанес удар, одновременно падая на спину, уходя от удара сабли. Лошадь пронеслась мимо, Сергей быстро встал и осмотрелся. Татарин выл на земле, держась руками за коленку. Лошадь увернулась от удара, все удовольствие получил всадник. Удар прикладом выбил татарина со спины лошади на землю. Седлами надо пользоваться, господа.

Осмотрелся, трех лошадей он таки пристрелил, но седоки уже были близко. Двое татар с саблями заходили с боков, третий спокойно шел чуть правее. Широкими баскетбольными прыжками бросился на опасную пару. Но в последний момент резко сменил направление и ударил, как хоккеист клюшкой. Татарин упал, поджав ноги, от его визга лошади прижали уши. Бедолага! Сладкая парочка с саблями остановилась. Сергей поднял пистолеты и, поглядывая на оставшихся татар, начал заряжать оружие. Воины совещались недолго, бросили сабли и пошли к нему, показывая пустые руки.

Первому татарину Сергей кивнул на лежащих собратьев. Второму указал на связанных пленников. Пешими были именно пленники, две женщины и мужчина. Первый татарин оказал своим товарищам моральную помощь, прыгнул на лошадь и ускакал. Второй развязал крестьян и занялся своими братьями. На радостях бывшие пленные женщины заплакали. Их захватили на хуторе у самого дома, налетели, забросили на лошадей – и бежать обратно. Сергей собрал трофеи и сложил в ящик коляски. Раненые татары потихоньку оклемались. Постанывая, приводили в порядок себя и оставшихся двух лошадей. Освобожденные пленники говорили с Аграфеной, и, как понял Сергей, о деле. Правильно, беда прошла, а жизнь продолжается. Когда хutoryяне, низко кланяясь, начали благодарить и прощаться, вернулся беглец с татарчонком и табунком в полтора десятка лошадей.

Тронулись дальше. Татары спокойно ехали сзади, так и двигались от хутора к хутору. На третий день показались стены и башни Тамбова. Офицеры гарнизона встречали за километр от заставы. Сергей был не прав – солдаты службу несут, и его с Аграфеной, и татар рассмотрели издали. Офицеры обступили с расспросами, заинтересованно осматривали пленников, трофейное оружие. Одни шутили, что Сергея нельзя выпускать из города, он в одиночку всех татар перебьет, и гарнизон распустят за ненадобностью. Другие поражались ловкости и везучести – снова без единой царапины. Так, с шутками, въехали в город, где распрощались до встречи вечером. Тут Сергей встрепенулся:

– А что мне с татарами и оружием делать?

– Татар и оружие взял ты, что хочешь то и делай!

Хорошую мысль подсказали господа офицеры, но не все так просто. Доехали до дома Аграфены, там он пересел на татарскую лошадь и поехал в губернаторский дом. Народ столпился поглазеть на пленных татар.

Поход казака Разина за деньгами и пленными кончился плахой. Голову ему отрубили в Москве, а не на Хортице или в Киеве. Если податься к казакам, то еще неизвестно, куда приведет дорожка. Может, удастся пограбить богатую Азию. А можно по незнанию попасть в ряд государственных преступников. Во всяком случае, увидев калмыцких и татарских казаков, Сергей сделал важный вывод. Его представления о XVIII веке значительно отличаются от

реалий этой жизни. Надо поехать по России и пообщаться с различными людьми. Для достижения успеха в жизни нужно как можно больше знать о ней.

Строительство кирпичного завода заканчивалось, печь работала на полную мощность. Пора закладывать вторую печь для обжига кирпича и печь для керамики. Массовое производство – это не только смерть кустарям. В первую очередь это хорошие деньги, которые потекут в карман. Он приказал прорабам собрать шесть домов для татар и конюшню для лошадей. Осмотрел фундамент, на который перенесут его дом – будущий Оптико-механический завод. Обратил внимание на готовую пристройку для плавки стекла.

Снова заботы – пристройка для изготовления механизма морских хронометров, еще одна для секстанов. Приборы тонкие и дорогие, производство штучное и будет выгодным даже в XXI веке. Главное – людей научить. Кроме того, к тому моменту, как будет готов первый хронометр, должна быть готова и обсерватория. Без обсерватории хронометры и секстаны не выверить и точное время не выставить. Все его первые шаги в создаваемом бизнесе были затратными. Со временем это производство принесет хорошую прибыль, но пока это время наступит, можно остаться нищим и голым.

Через три дня старший из татар остановил его и, поклонившись в пояс, попросил:

– Позволь, барин, за женами съездить.

– Вы женщин одних оставили?

– Наш род маленький, все мужчины здесь, если нас долго не будет, женщины или сами уйдут, или другие заберут.

– Поезжай, нельзя семьи в диком поле бросать.

Кстати, татары хорошо говорили по-русски и были крещены. В его слободе это будут уже не первые семьи: на улицах иногда попадались на глаза женщины и дети. Сергей решил не выяснять, откуда они взялись. Одно знал точно, в браке, если один из родителей свободен, дети рождаются свободными.

Малыш-татарчонок прочно занял место адъютанта. Тихой мышкой перебрался на губернаторскую конюшню, где не спускал глаз с Буяна и Бурана. Он обихаживал красавцев, выезжал с ними в ночное. Губернатор приказал дать семилетнему пацану старую одежду своих детей. Михаил – так звали мальчишку, гордо щеголял в знатных одеждах. Его поначалу впалые щеки стали пухленькими и розовыми. Когда он проезжал рядом с Сергеем мимо своей родни, те с серьезным видом кланялись мальчику отдельно.

Татары дали новую мысль, он обратился за разрешением построить в пригороде каменную церковь. Разрешение дали быстро, но с условием, что строить будет специально присланный архитектор. Для Сергея это было уже вторично. Слух об строительстве церкви разошелся быстро, городское купечество решило не отставать. Начали собирать деньги по подписке для строительства каменной церкви в городе. Церковь в центре города и церковь в пригороде – разница большая.

В центре города должен быть уже большой храм, соборная церковь. Когда в дом к Аграфене во время традиционного послеобеденного чаепития пришла депутация, Сергей сразу начал расчеты. Пока гости чинно пили чай, а раздумывавшаяся Аграфена поддерживала светскую беседу, он вывел результат. Протянул старосте листок с ценой на кирпич и скидкой, если оплата будет сейчас. Депутация сразу смекнула выгоду, быстро составили и подписали договор. Собранные деньги отданы, кирпич куплен выгодно. Ну а то, что фундамент будет готов через год... не лежать же общественным деньгам год.

Когда гости вышли, Аграфена завизжала, как маленькая девочка. Заметив на лице Сергея удивление, сказала:

– Ты получил деньги, чистые деньги.

– Плата и должна быть деньгами, чем же еще?

– Эх, дворяне, дворяне! Ты совсем не знаешь реальной жизни!

Аграфена открыла сундук.

– Посмотри. – Она показала на аккуратные стопочки бумаг.

Сергей пожал плечами.

– У меня редкую зиму набирается пятьдесят рублей серебром, вся торговля или векселями, или залогом.

– Почему не деньгами?

– Где их взять, деньги эти, только медь, вот и обмениваем товар на векселя.

– Тогда при прямом расчете серебром торговать выгоднее.

– Намного выгоднее.

Деньги передал Аграфене, ей они нужнее: пора авансов, и закупка зерна скоро. В свою очередь женщина наказала приказчикам при расчетах брать в имениях крестьян. Приказчики согласно кивали и косились на Сергея.

Среди его пригородных домов появился особый, стоящий за высоким забором в глубине зарождающегося сада. Дом получил прозвище – лаборатория. Сергей решил на химическую лабораторию – нужна взрывчатка и капсюли. Если капсюли рассчитывал получить быстро (гремучую ртуть изобрели намного раньше XVIII века), то создание взрывчатки потребует времени.

Знание химической формулы алкоголя не поможет, если не знаешь принципов самогоноварения. Так и здесь. Он помнил формулы многих взрывчатых веществ, но определенно сказать мог только о двух. Аммонит и ТНТ, первая – промышленная взрывчатка на основе аммиачной селитры и полиэфира. Вторая – тринитротолуол – на основе натриевых солей. Обычные удобрения дачников при определенных условиях становятся взрывчаткой, поэтому и запомнил. Скоро в лаборатории кроме нанятого аптекаря стали собираться учителя обеих гимназий и гимназисты. Энтузиасты проводили разнообразные опыты и жарко спорили. Классическая химия была еще в зародыше, а до таблицы Менделеева было более сотни лет.

Когда Сергей принес губернатору прошение на «Институт химии и физики», тот удивленно спросил:

– Зачем это тебе?

– Чтобы гимназисты по вечерам были при деле.

Воронцов удовлетворенно кивнул и подписал. Сергей потратился еще на один дом, в котором вечерами стало шумно от дискуссий. Тема «Могут ли на одной яблоне расти разные яблоки?» обсуждалась неделю. Затем пришли к решению проверить на практике.

В «институт» Сергей навещался регулярно и подбрасывал идеи, провоцируя учителей и гимназистов на изучение важных для него вопросов. Старался собрать в памяти останки школьных знаний и выдавал их как советы и идеи.

Оптико-механический завод начал шлифовать линзы. Стеклодувы учились изготавливать флакончики для дешевых духов. Сергей отдал на растерзание свой театральный бинокль и часы. Подробно объяснил устройство секстана и зеркального телескопа. Фактически весь день проводил в круговерти завод – лаборатория – институт – завод. Вся его энергия была направлена на создание нового производства, но пока только кирпичный завод начал приносить деньги. Вечерами стал замечать изменившийся взгляд Аграфены.

Аграфена задумчиво смотрела на своего любимого... Она беременна, она беременна! Когда прошли сроки, она заволновалась, но сведущие бабки и губернский врач все объяснили и успокоили. Детей она хотела. Какая женщина не хочет детей? Рожать будет несмотря ни на что, а это «что» было. Ее любимый дворянин – это раз. Она старше его на шесть лет – это два. Ее деньги Сергея не интересуют – это три. С его натурой в Тамбове он долго не проживет – это четыре. Но она родит и ради себя, и ради него. Кошмар жизни с мужем она забыла. Постель с ним были для нее болью и истязанием, его родня и дети от первого брака откровенно ее ненавидели и унижали. Скоропостижная смерть мужа без завещания была платой за страдания,

она расплатилась сполна, расплатилась и забыла. И вот теперь неожиданная любовь. Страстная до головокружения и самозабвения любовь – и беременность. Она счастлива, и она родит.

Глава 3

Неожиданный шанс

Во время обеда губернатор спросил Сергея:

– Почему ты строишь дом на таком высоком фундаменте?

– Хочу из окна на всех смотреть свысока! – отшутился Сергей.

Все посмеялись шутке. Высокий цоколь закладывали по другой причине. Сергей помнил как бы вросшие в землю красивые старые дома Петербурга и Тамбова. Решил построить свой так, чтобы он выглядел красиво и через триста лет. Заговорили об архитектуре, различных домах города и усадьбах губернии. Неожиданно губернатор напомнил:

– Ты когда поедешь к Алексеевым? Родню по матери нашел, пора и Алексеевых навещать.

– И правда, пора, спасибо за напоминание.

Откладывать поездку дальше было уже неприлично. Сам поиск родни его не интересовал по причине отсутствия этой родни в принципе. Но поездка по губернии и повод съездить в другую ему нужен. Надо продолжить продажу монет-сувениров и купить крестьян. Оба дела входили в разряд первостепенной необходимости. Денег он потратил очень много, и впереди были только траты.

Доходы кирпичного завода покрывали расходы оптико-механического производства и лаборатории, Институт химии и физики ничего ему не стоил, но Сергей начал строить свой дом, который нужно будет содержать. Плюс покупка крестьян и заселение земель. Пополнение кармана весьма желательно, и в ближайшее время. Ежедневный контроль на заводах уже не требовался. Производство кирпича и керамической посуды налажено. До оптики и прочего еще очень далеко.

Начал собираться, отдал нужные распоряжения, выпросил у Аграфены толкового приказчика. Коль скоро решил по дороге искать и покупать крестьян, то необходим и сведущий в торговле человек. Она одобрила такой подход к делу и добавила двух парней. Это были слуги из какого-то имения, которых отдали как новый залог. Татарчонок Миша сам принял решение, непонятно: ради барина или ради Бурана и Буяна. Взял двадцать рублей – серьезная сумма для XVIII века. Остальные деньги отдал Аграфене, проинструктировав, что когда финансировать, и отправился в путь.

От усадьбы к усадьбе с морскими рассказами и продажей сувениров. Все Алексеевы встречали радушно, а провожали как родственника. Сергей вникал в детали возможной родственной линии, стараясь найти зацепку и доказать, что он с другой ветви родового дерева. Люди это понимали как желание сироты найти родственников отца и помогали, чем могли. Они вспоминали адреса и писали письма живущим далеко.

В протекции и покровительстве он не нуждался, государственной службы не искал, от Зимнего дворца хотел быть подальше. По-настоящему его интересовало только устройство общества и международные отношения. Мысль податься в казаки и в власть пограбить оставалась единственным вариантом достойно войти в новую жизнь. Сергей проехал через Пензу, Ярославль, Рязань и оказался в Москве. По дороге купил восемнадцать семей и отправил на свои земли, снабдив только транспортом и письмом для Аграфены. Нет смысла тащить с собой скотину, за те же деньги проще купить в Тамбове.

Его отряд увеличился на четырнадцать парней и тринадцать девок, это уже прямая заслуга Тимофея. Приказчик Аграфены, ловкий в торговых делах, ушлый по жизни и отличный психолог. Он купил двадцать семь человек всего за три рубля двадцать копеек. Тимофей, когда стояли в имении или гостили в городе, отыскивал штрафников или нелюбимую при-

слугу. Затем торговал, обещая отправить на выселки, на границу, к татарам. Некоторых получил вообще бесплатно, хозяева в сердцах так отдавали.

Москва задержала в первую очередь своими размерами и бойким интересом к заморским монетам. Сначала в сундучке показалось дно, и вслед за этим ушла последняя монетка. Зато теперь в сундучке были уже деньги – две тысячи четыреста рублей серебром и семьдесят рублей золотом. Настоящий богач, да в кошельке было еще на тридцать восемь рублей серебра и меди. В Москве услышал об указе, весь город говорил об авторских правах. Сергей сразу отправил заявки на призматический бинокль, оптический секстан и золотник паровой машины.

Прослышав о возможности купить людей в Тверской губернии, отправил туда Тимофея. Сам поехал в Тулу, осталось проверить два адреса родственников. Один адрес в Туле, другой в Тамбовской губернии со стороны Тулы. В Туле же договорился ждать Тимофея. Свой «цыганский табор» из теперь уже ста сорока двух девок и шестидесяти одного парня отправил в Тамбов. Это Тимофей в Москве развернулся и показал талант бизнесмена: смог купить за смешные деньги сто тридцать две девки и сорок семь парней.

По советам Тимофея Сергей купил различный инвентарь для крестьян и выгодные товары на продажу. С обозом отправил одного слугу, передал для Аграфены письмо, в котором просил ее разобраться с людьми. Она лучше знает, кого взять прислугой в дом, кого отправить в пригород. Возможно, сложатся пары, их лучше отправить в растущую деревню. Попросил учесть, что многие из девок беременны, у некоторых беременность была вполне очевидна.

С собой оставил трех азартных в постели девушек. Одна из красавиц оказалась вдобавок и отличной поварихой. Купил хорошую коляску московской работы и пару лошадей к ней. Когда покупали лошадей для обоза и коляски, Мишка вертелся ужом и делал Пантелею на пальцах подсказки. Сергей в торги не вступал. Не знаешь – не лезь, можно все испортить одним, но глупым словом. В Тулу приехал в конце сентября, остановился в доме Михаила Михайловича Алексеева. Гостеприимный хозяин сопереживал поиску родственников, но ничем помочь не мог.

В ожидании Тимофея Сергей решил подробно осмотреть металлургию XVIII века. Россия в этот период вышла на позиции крупнейшего мирового экспортера железа. В Туле еще продолжалась добыча руды, доменные печи работали с полной нагрузкой. Сергей изо дня в день ходил по заводам и кузницам, смотрел, что и как делают, задавал вопросы, если что-то не понимал. Вечерами ездил с сыном Михаила Михайловича в гости, где проводил время с учетом тамбовского опыта. Морские байки следовали за лирическими стихами Цветаевой или Ахматовой. Наибольший успех имели песни, особенно романсы.

В один из таких досужих дней на воротах одного из заводов увидел надпись «Опечатан». Удивился – ворота открыты. Сергей вошел внутрь. Походил, посмотрел – все то же, что и на других заводах, только завод не работает. Зашел в заводскую контору, там оказался судебный пристав, он же и сторож. Оказывается, опечатан значит остановлен и продается. Продается вместе с людьми, имуществом хозяина, самим хозяином и его домочадцами. Бывший хозяин не дворянин и за долги перешел в «крепость», в рабство.

Сергей спросил, где найти бывшего хозяина, стало интересно познакомиться с новыми для себя обстоятельствами. Бывший хозяин уже выселен из своего дома и живет с семьей в общей казарме рабочих. Это барак с населением в сто тридцать человек рядом с заводом.

Бедолагой оказался Дмитриев Варфоломей Сидорович, сорока двух лет. Он задолжал кредиторам восемьдесят девять рублей серебром, вместе с процентами. Завод оценен в сто четыре рубля и сорок четыре с четвертью копейки; рабочие, не считая малолетних детей, – еще сто восемьдесят три рубля пятнадцать с половиной копеек. Дом оценили в семьдесят восемь рублей – дом большой, в два этажа, с чугунными воротами.

Дмитриев мог бы выкрутиться, продав дом с имуществом и золотые украшения, но на него сверх долга наложена оплата судебного иска в десять рублей тринадцать копеек. Всех этих денег Варфоломей Сидорович набрать не смог, теперь ему кабала, а заводу конец.

– Почему заводу конец? – не понял Сергей.

– Завод никто не купит, он скоро перейдет в казну.

– Ничего не понимаю, я прошел по нескольким заводам, этот завод даже лучше многих.

– Не купят потому, что на каждом заводе своя технология и свои приспособления, проще расширяться, чем разбираться в чужом производстве.

– Что плохого, если завод перейдет в казну?

– Казенные заводы Тулы делают только ружья, а у меня для этого станков нет.

– Как же так – в Туле все заводы делают оружие?

– Я делал только под заказ, каждому заказчику по индивидуальному размеру.

– Не понял?

– Чего непонятного? Тебе портной камзол по твоему размеру делает? Так и оружие делают.

– Так твой завод только такое оружие делал?

– Нет, такие заказы были, но я специализировался на художественном литье и ковке.

– Но завод слишком большой для такой продукции, я по цехам прошел, видел твое оборудование.

– Рядовые рабочие делали листовое железо, там молоты стоят, вот на них и выбивали железный лист.

– Подожди, давай сначала. Ты должен сто рублей, завод с рабочими и домом стоят триста семьдесят рублей, правильно?

– Правильно.

– Почему тогда продают и тебя с твоей семьей?

– Да поймы ты, барин, никто эти сто рублей за завод не заплатит!

– Почему? Только рабочие почти в два раза больше стоят!

– Да хоть в четыре раза! Невыгодно чужой завод покупать!

– Объясни мне, почему невыгодно? Перевел рабочих на свой завод, твой дом продал, механизмы из цехов или продал, или на свой завод перевез, прямая выгода.

Бывший промышленник засмеялся:

– Царских указов ты, барин, не знаешь! Если купил завод, то этот завод должен работать! Остановить завод ты можешь только по решению Берг-коллегии железных и рудных дел.

Сергей думал недолго, этот шанс давал ему отличную возможность. Он был знаком со сталелитейным делом. Как любой инженер, знал металлообработку и технологии производства. Как военный офицер, знал технологии изготовления оружия, в первую очередь морских орудий. Устройство этих пушек мог объяснить, разбудил его среди ночи. У него появился шанс создать более совершенное оружие для русской армии. Он сможет легально изготовить оружие для своих личных планов. Правда, самих планов еще нет, но новые возможности позволят посмотреть на жизнь иначе. Прежде чем сделать решительный шаг, надо еще раз осмотреть завод, внимательно, по-хозяйски.

– Почему ты прогорел? С твоих слов, на заводе все было хорошо.

– Прогорел, пытаюсь сделать паровую машину.

– Неужели столько много денег потратил?

– Год назад под залог завода взял плющильные машины на шестьдесят рублей, сам занялся паровым приводом для них, да увлекся.

– Хорошо увлекся! Как же про такие большие деньги забыл?

– Не забыл я про деньги, самая дешевая паровая машина стоит сто двадцать рублей, вот и тянул до последнего.

– Сколько паровых машин в Туле?

– Я знаю о пяти, но к ним близко не подпускают, да ломаются они по пять раз на день.

Такая мелочь, как паровая машина, для Сергея не составляла проблем. Над созданием паровой машины люди бились уже с середины XVII века. Но смогли сделать реально работоспособную машину только на рубеже XVIII и XIX веков. В середине XVIII века от Сибири до Гибралтара работало уже много различных паровых механизмов. Только все это было очень ненадежно. Никак не получалось синхронизировать подачу пара с движением поршня. Различные задвижки и клапаны часто ломались. Нормальная паровая машина появилась с изобретением золотника. А заявку на патент золотника он уже отправил из Москвы.

Дмитриев и Сергей пошли по заводу.

– Вот они, – показал бывший хозяин. – Я каждое утро шел на завод с уверенностью, что сейчас все получится.

В сарае стояли четыре подобия одноцилиндровых паровых машин. Сергей внимательно их осмотрел. То, что придумали, выглядело интересно и, в принципе, работоспособно. Паровые машины явно делались без проектных и рабочих чертежей. Кулибины...

Паровые котлы стояли рядом, напоминая уродливые самовары: та же конструкция – внизу топка, посередине труба.

– Подобные неудачные машины есть на всех заводах, – продолжал Варфоломей Сидорович.

– Вот как?

– Все пытаются сделать паровую машину, но не получается.

– И что с этими машинами делают потом?

– На заводских дворах стоят, в назидание другим мастерам.

– Почему не продают?

– Кому они нужны? Просителю отдадут задарма, чтоб не мешала. Ну, рубль возьмут, чтоб расход железа покрыть. Разбирать дороже...

– Почему начал делать сразу четыре машины? За деньгами погнался?

– Нет, так проще, сразу четыре варианта привода испытываешь.

Пошли дальше смотреть заводские цеха и склады. Доменные печи, кричные и сталеплавильные горны, различные молоты. Плющильные машины – прототипы современных прокатных станов. Все приводы на конной тяге, лошади крутят основной ворот. В конюшне девять лошадей, их меняли через четыре часа. Для людей рабочий день двенадцать часов. Примитивные станки, примитивное оборудование, все требует замены. Но продажа двух паровых машин окупит все затраты. Завод стоит сто рублей, а через неделю Сергей получит четыреста рублей!

– Сколько стоят паровые молоты?

– Дорого, дешевле тридцати рублей не бывает.

Сергей осмотрел все снова, прикинул необходимые изменения... Да! Выгодно и с перспективой.

Посмотрел на часы – нет полудня. Зашел к судебному приставу и дал задаток пять рублей. Оформление покупки назначил на завтра после обеда. Чуть не бегом бросился по заводам, где с видом идиота спрашивал:

– А это что?

– Паровая машина, барин.

– Покупаю!

– Она не работает, барин.

– Тогда беру за рубль.

– Продается вместе с котлом, – отвечал довольный управляющий.

– Вот с этим самоваром? Ну, вместе с таким большим самоваром рубль десять серебром.

Завтра придет человек и скажет, куда привезти.

Так за день скупил все брошенные машины – вот завтра будет хохма. Всего получилось сорок четыре комплекта. Невероятный успех, если знаешь, что и как переделать. Через неделю начнут локти кусать, да все, поезд ушел. Сергей решил доведенные до ума механизмы продавать не дешевле двухсот рублей. Купят, еще как купят! А новые модели с нормальным огнетрубным котлом пойдут еще дороже.

На тульских заводах были и работающие паровые машины, но с ручным управлением. Хозяева сами боролись с недостатком конструкции, чужих и близко не подпускали. В результате на других заводах приходилось создавать всю машину заново. Но новые паровые машины делались со старой проблемой. Узнав о решении родственника купить завод, Михаил Михайлович возмутился:

– Не барское это дело – кузницами заниматься.

Однако Сергей возразил:

– Я хочу делать хорошие пушки, купцам-то что пушку делать, что кочергу. Они на врага в атаку не ходят, а хорошая пушка – залог победы.

Ответ Михаилу Михайловичу понравился, и он одобрил решение Сергея:

– Здесь ты прав, хорошую пушку может сделать только офицер.

Аналогичный разговор сложился и с губернатором:

– Молодой офицер должен отчизне служить, а не сидеть в одной грязи с купцами, – грубо сказал губернатор.

– Я желаю сделать на свои деньги особую морскую пушку, без хорошего завода ничего не получится.

– Напиши прошение с проектом в Берг-коллегию пушкарских дел, тебе завод для опытов определят.

– Я три года прошения писать буду, потом еще три года отписываться. Легче самому завод купить и спокойно работать.

– Молод ты, но раз денег не жалеешь ради России... прими мое заверение в поддержке. Но учти: я тебя поддерживаю, я тебя и контролирую.

И снова круговерть, посмотрел дома на продажу – ничего особенного. Хорошо, что получил от губернатора разрешение на постройку нового дома. Узнал от строителей цену на кирпич – жуть! Но разрешение губернатора на строительство кирпичного завода уже в кармане. Выбрал из девушек самую хитрую и отправил к реке скупить оптом все дома – ну не все, не больше двухсот, – и пошел на завод. Завод зарегистрировал под названием «Тульский котельно-механический завод». Назначил Варфоломея Сидоровича управляющим и вернул ключи от его дома. Затем распорядился отправить людей по заводам. Надо сообщить продавцам, куда везти своих ужастиков. Приказал демонтировать кричные молоты. Остальным рабочим прокатывать лист как можно тоньше.

Осмотрел заводскую контору, выделил место для черчения. Заказал кульман и в итоге объяснил на пальцах, что надо. Послал за рисовальной бумагой, велел найти четырех солдат-инвалидов, так и увяз в обычных мелочах. Разрядила ситуацию служанка. Она пришла заплаканная, с ней – четыре злющих купца. У купцов на берегу реки двести четырнадцать готовых срубов, с крышами, окнами и сенями. Привози на место и собирай, при сноровке в два дня дом соберешь. А она требует двести домов. Купцы скинули оптовую цену до двадцати пяти рублей пятидесяти копеек за все срубы. Девка с ценой согласна, но требует забрать с собой четырнадцать домов, иначе не купит. Зачем купцам везти дома обратно – легче тут бросить без присмотра? Но девица стоит на своем.

Сергей сделал строгое лицо и велел девушке молчать, хотя та и не пыталась говорить. Выложил на стол двадцать пять рублей – по рукам господу купцы? Уставшие от бестолковщины мужчины согласились.

Новые распоряжения – рабочим собирать дома за казармой и жить в них семьями, одна семья – один дом. И солдат-инвалидов поселить в отдельные дома.

- Что делать с паровыми машинами? – спросил Варфоломей Сидорович.
- Доводить до ума и продавать.
- Так ты сразу знал, что требует переделки?
- Разумеется. Зачем мне покупать завод и пять десятков неработающих паровых машин?
- Ну ты и бестия, прости меня, хозяин!..

В суете перемен бежали дни. Завод изменил внешний вид, появились трубы паровых котлов, ощутимо изменилось финансовое положение. Паровые машины разошлись на «ура». Промышленники-соседи раскупили их с дракой. Тем более что Сергей соглашался продавать под поставки нужного сырья и оборудования для своей модернизации. Никого не интересовала его модернизация. Чудит пришлый барин – ну и шут с ним. Просит вместо денег заготовки, пожалуйста, будут валы и шестерни. Мы, тульские, все что угодно сделать можем. Сергей был очень доволен: все заводы работали на его модернизацию.

Варфоломей Сидорович изумленно рассматривал чертежи. Огнетрубный котел, паровая машина, паровой молот... На бумаге выглядело непривычно, но вполне понятно.

- Это токарный станок, а здесь непонятно.

Сергей глянул на лист:

- Здесь фрезерный станок.

Директор внимательно вникал в детали чертежа.

- Понятно... Тут нарисован сверлильный... А это – снова непонятно.

- Это строгальный станок.

– Мудрено. Откуда ты все знаешь? Какие-то прессы и штампы, печи для закаливания и хитрые станки...

- Учиться надо было, Варфоломей Сидорович.

- Я учился, гимназию закончил.

- Гимназии мало, университет нужен.

- Кто бы говорил! Тебе, барин, двадцать лет, вот и езжай в университет сам.

- Некогда мне, надо завод до ума доводить да рядом часовой завод строить.

- Часовых дел мастеров не найдешь, мало их в России.

- Искать не будем, будем своих людей учить.

Сергей купил дом недалеко от дома Варфоломея Сидоровича. Утром и вечером ехали в одной коляске, продолжая обсуждать планы нового завода. Сергей затронул новую тему – создание учебного заведения для будущих заводских специалистов.

Однажды он наткнулся на свинцовые прутья. Сразу набросил эскиз пули и велел отлить десяток. Вечером пригласил Михаила Михайловича в сад. Зарядил пистолет и выстрелил с десяти шагов в полено, полено упало и покатилося.

- Хорошо стреляешь, – похвалил Михаил Михайлович.

Сергей зарядил пистолет и выстрелил снова, второе полено разлетелось в щепки. У Михаила Михайловича от удивления полезли глаза на лоб. А Сергей велел татарчонку поставить стальной лист и снова выстрелил. На листе небольшая вмятина и аккуратная дырка. Только теперь Михаил Михайлович понял суть:

- Покажи пулю.

Сергей протянул подсумок.

- Какие интересные ребристые цилиндрики. Сам придумал?

– Форму подсмотрел, а вставить железный стержень, чтоб кирасу пробить, сам додумал уже в Туле, когда завод купил. Пулю «жакан» зовут, слона валит.

- Сделай такие пули и мне.

Вечером приехал Пантелей и радостно сообщил:

– В Тверской губернии все хорошо, урожая нет, многие дворяне продают крестьян.

– Там будет голод?

– Нет, но дворяне без денег будут, если крестьянам оставить достаточно зерна, а так и крестьян продадут, и зерно.

– Идиотское решение! А что они будут делать через год? – удивленно спросил Сергей.

– А когда дворяне думали на год вперед? Они сегодняшним днем живут.

– Значит, в Тверской губернии неурожай ржи?

– Почему ржи? Неурожай пшеницы. Англия покупает только пшеницу.

– Много людей купил?

– Одну деревню и за две залога внес, деньги кончились.

– Отличный результат.

– Еще пятьдесят семей в разных усадьбах купил, дал денег на постой и прокорм, велел в Москве меня ждать.

До позднего вечера обсуждал с Тимофеем план действий. Надо еще крестьян покупать, теперь деньги позволяли. Как людей разделить между Тамбовом и Тулой? Кого надо купить или нанять в Москве? Тимофею необходимо искать помощников, чем больше найдет – тем лучше. Приказчики нужны и в Тамбове, и в Туле, и в имении. Выпуск продукции потребует увеличения штата деловых людей.

Модернизация и расширение завода шли полным ходом. Сергей решил попусту не тратить время и съездить к еще одному Алексееву.

День начался со сборов в дорогу и необходимых указаний. Дал Варфоломею Сидоровичу десять рублей на непредвиденные расходы, отнес Михаилу Михайловичу обещанные пули и с утра в путь, посетить последний адрес. После визита планировал отправить Михаила с нанятым провожатым в Тамбов за своими вещами. Уж очень много нужных вещей у него оказалось. Например, обычная линейка с сантиметрами и миллиметрами. А килограмм – это сколько? Путаться с аршинами, вершками, фунтами и пудами не собирался. Он знал метрическую систему мер и помнил некоторые физические формулы. Среди его вещей были две старые школьные тетрадки. На обратной стороне тетрадок были напечатаны формулы-подсказки и весь комплект метрической системы. Сейчас все это было крайне необходимо.

Провожатого для Михаила хотел нанять не от разбойников. Какие разбойники в России? Просто боязно отпускать семилетнего мальчика без взрослого. Всю дорогу инструктировал Михаила, напоминал, кому разнести письма. В лаборатории обязательно требовать ответное письмо. Назад возвращаться незамедлительно, вещи нужны ему уже сегодня. Миша внимательно слушал, кивал головой и успокаивал:

– Сделаю, Сергей Николаевич, не волнуйтесь, не маленький.

Не маленький, мальцу семь лет, но он уже знает тяжесть этой жизни.

Третья неожиданность случилась в усадьбе Терновое, уже Тамбовской губернии. Здесь Сергей планировал после разговоров с хозяевами о родстве нанять мальчику провожатого на дорогу в Тамбов. Обратившись в Тулу Миша должен поехать с двумя слугами. На крыльце усадьбы его встречал высокий широкоплечий старик лет восьмидесяти и семидесятилетняя не потерявшая стати старушка. То, что встречают, Сергея не удивляло. Он уже знал, что прислуга, издали заметив гостей, бежала к хозяевам. А как же – гости! Будут новости! Будет о чем поговорить! Спешившись, подошел к хозяевам и представился:

– Алексеев Сергей Николаевич, ищу родственников отца.

– Алексеев Сергей Николаевич, – ответил дед, – а это Елизавета Матвеевна, проходи в дом.

В зале за столом сидел Петр Сергеевич Алексеев с женой и внуками. Его представили как старшего сына. Сели за стол, и начались расспросы. Сергей рассказал, как устраивается в новой для себя обстановке. Купил землю, купил крестьян, построил в Тамбове кирпичный завод. Купил по случаю в Туле железный завод, хочет пушки делать. Строит в Туле кирпичный завод и планирует построить стекольный. Но пока нужный песок не найден, ждет специалиста из Москвы. Кроме того, выписал специалиста из Петербурга – хочет построить фарфоровый завод.

– А большое наследство оставили родители? – спросил дед.

– Нет, ничего не оставили, деньги мои, с заморских походов.

– Расскажи о родителях, какими они были?

Сергей стал рассказывать о своих родителях, как их помнил в свои двенадцать лет.

– Отец воевал? Награды есть? – спросил дед.

– Да, воевал с немцами, имеет орден, «За Отвагу», «За взятие Кенигсберга».

Сергей прикусил язык. Какая медаль «За Отвагу», какое взятие Кенигсберга? Награды его отца, офицера-фронтовика Отечественной войны XX века. На дворе XVIII век, и как теперь выкручиваться? Однако дед сидел молча, думая о чем-то своем. Остальные родственники так же молча смотрели на него.

– Покажи перстень, – дед протянул руку.

Сергей вложил в ладонь свой перстень. Дед долго его рассматривал, потом открыл шкатулку, которая стояла на столе, и достал точную копию.

– Этого не может быть! – от неожиданности Сергей встал. – Этого не может быть! – снова повторил он.

Между перстнями более двухсот лет. Его перстень не куплен в магазине или комиссионке. Его перстень сделан на заказ у ювелира.

Между тем дед молча протянул перстень обратно, достал из шкатулки орден и протянул Сергею:

– Этот орден твой отец получил за отвагу при взятии Кенигсберга.

Сергей долго не мог ничего сказать, этого не может быть, потому что не может быть никогда! Наконец смог выдохнуть и отодвинул орден обратно:

– Я не могу взять этот орден, моих прав на этот орден нет, вы родили и воспитали сына, орден принадлежит вам.

– Как скажешь, – и положил орден в шкатулку, – получишь после моей смерти.

– Когда твоему отцу исполнилось восемь лет, я готовился ехать на государеву службу, – заговорил Петр Сергеевич – отец заказал пять одинаковых перстней, один оставил себе, четыре отдал нам.

– Ты у нас проездом, – заговорила Елизавета Матвеевна, – не забывай о нас в своих заботах, пиши и навещай.

– Вот, возьми, – Сергей Николаевич протянул бумаги, – это бумаги на имение твоего отца, теперь это твои земли.

– Передай поклон Алевтине Мефодиевне, – добавила старушка, – это она нам радостную весточку прислала.

Утром Сергей на рысях отправился в Тулу, а Мишка при Петре Сергеевиче поскакал в Тамбов. Перед отъездом он дал своему дяде кошелек, в нем было пятьсот рублей серебром. Деньги нужны Аграфене для финансирования его начинаний в Тамбове. Передавая деньги, заметил, с какой гордостью на него смотрели Сергей Николаевич и Елизавета Матвеевна.

Невероятность ситуации с родственниками угнетала. Перенос во времени можно объяснить неизвестным физико-энергетическим явлением. Но обретение родственников – совсем другое, это уже не физика, а лирика. Кто были его «родители»? И где Сергей Николаевич, истинный внук этих милых людей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.